

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

СОЦИАЛЬНО-ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ИМЕНИ МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО И КОЛОМЕНСКОГО
МАКАРИЯ (БУЛГАКОВА)

КАФЕДРА КУЛЬТУРОЛОГИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

**ВЛИЯНИЕ «АВСТРИЙСКОЙ ШКОЛЫ» НА РАЗВИТИЕ
ЛИБЕРАЛИЗМА В XX ВЕКЕ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки 41.04.04 Политология
очной формы обучения, группы 87001614
Мишнева Алексея Юрьевича

Научный руководитель
канд. социол. наук, доцент
кафедры культурологии и
политологии
Кривец А.П.

Рецензент
д. экон. наук, проф., зав. каф.
экономики и организации
производства БГТУ
им. В.Г. Шухова,
зам. председателя комитета
областной Думы по
законодательству и местному
самоуправлению
Селиверстов Ю.И.

БЕЛГОРОД 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. КЛАССИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И АВСТРИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ШКОЛА	8
§ 1.1. Либерализм в XIX веке.....	8
§ 1.2. Австрийская школа и либерализм.....	19
ГЛАВА 2. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА	36
§ 2.1. Отход от принципов классического либерализма.....	36
§ 2.2. Австрийская школа и поиски либеральной идентичности.....	49
ГЛАВА 3. ВОЗРОЖДЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА	65
§ 3.1. Возрождение идей классического либерализма	65
§ 3.2. Классический либерализм во второй половине XX века	81
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	104
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	111

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Либерализм является одной из самых хорошо изученных политических идеологий. В силу своей давней истории и доминирующей роли на политической сцене, либерализм заслуженно считается одной из классических политических идеологий наряду с консерватизмом и социализмом. Еще в XIX веке либерализм стал главенствующей идеологией в Европе и Новом свете, именно либерализм породил институты современного общества. Несмотря на противодействие со стороны других «классических» идеологий в XIX в. и тоталитарных идеологий в XX в., именно либерализм стал основой миропорядка в наше время. Противостояние либерального или капиталистического и социалистического лагеря во время Холодной войны вылилось в триумф либерализма, как выразился Ф. Фукуяма в «конец истории» [37]. И пусть «конца истории» не случилось, и окончательная победа либеральных принципов остается сомнительной, именно понимание идей либерализма является фундаментом для понимания современного мира. При этом отдельного изучения требует идеология либерализма, его внутреннее содержание, поскольку, в отличие от социализма идеология либерализма не имеет четкого авторства. Конечно, можно назвать политических философов, идеологов и ученых, которые писали свои работы в либеральной традиции и внесли существенный вклад в развитие идеологии. Но сами идеи либерализма, подобно идеям консерватизма, сохраняя базовые ценности, такие как свобода, главенство права и плюрализм мнений менялись от страны к стране, от автора к автору, и от эпохи к эпохе. Если в начале своей истории либерализм был еще однородным течением с ясными, непротиворечивыми принципами, то с ростом своей популярности, с переходом от теоретических построений к непосредственному применению принципов в жизнь он начал стремительно менять свое содержание. В

Великобритании, где применение этих принципов было наиболее заметно, к старым принципам прибавились новые: эгалитарная демократия, утилитаризм, пацифизм и т.д., но главное старые идеи стали трактоваться по-новому. Так изменилось понятие свободы, правового государства, изменился и ключевой принцип индивидуализма. XX в. особенно ярко показал, как может меняться идеология со временем, сохраняя свое прежнее название. В этой связи стоит уделить особое внимание тому вкладу, что внесла Австрийская экономическая школа в развитие либерализма в XX в. Появившись, как сугубо экономическое течение на волне маржиналистской революции, «австрийская школа» очень скоро приобрела свои собственные политические взгляды и идеалы. В значительной мере на первоначальном этапе «австрийская школа» несла в себе либеральную направленность в духе Британской партии Вигов XIX в. Но с развитием школы и трансформацией либерализма взгляды представителей этого течения стали расходиться со взглядами представителей либерального мейнстрима того времени, приобретая характерный радикализм. Именно этот радикализм и нежелание менять свои взгляды вместе с течением идеологии привело к еще одной трансформации либерализма. Начиная с 30-х годов XX в. представители Австрийской школы, вместе с другими либеральными теоретиками, принимали непосредственное участие в формулировании и формировании либеральной повестки, привнеся существенный вклад в современный либерализм. Таким образом, изучение данной тематики обусловлено тем особым вкладом, который внесли представители Австрийской экономической школы в развитие либерализма XX и XXI вв.

Степень разработанности темы. Идеология либерализма хорошо изучена, как в отечественной, так и в иностранной политологической и исторической литературе. Идеи классического либерализма освещаются в таких работах, как «Либеральный архипелаг. Теория разнообразия и свободы» Ч. Кукатаса [8], в коллективной монографии под редакцией В.В. Согрина «Либерализм Запада XVII – XX века» [10] дан обзор истории

либеральных идей в Европе и США, а так же подробно рассмотрена проблема развития и трансформации либеральной идеологии. В работе М. Пеннингтона «Классический либерализм и будущее социально-экономической политики» [22] раскрывается тематика экономической составляющей либеральной идеологии, а также освещается практика применения этих принципов в жизни. Стоит также отдельно отметить работу Л. фон Мизеса «Либерализм в классической традиции» [15]. Эта книга, написанная уже в двадцатые годы XX в., во время активной трансформации либеральной идеологии, является полным описанием идеи классического либерализма XIX в., кроме того эта работа так же полезна для понимания и изучения идеологической направленности Австрийской экономической школы. Также стоит отметить некоторые важные, для данной проблематики, работы, не переведенные на русский язык. Это «Взлет и падение либерализма» Томаса П. Нила [66] и «История Европейского либерализма» Г. де Руджиеро [84]. В этих работах в полной мере освещена тема развития и трансформации либеральной идеологии в XIX в., а также раскрыта проблематика исторического развития либерализма, становления либеральной политической практики. Также стоит отметить работу Г. Спенсера «Личность и государство» [31], в которой освещается проблематика трансформации либеральной идеологии на раннем этапе своего развития, изменение либеральных принципов во время применения их к политической практике Великобритании XIX века. Р. Ротунда в книге «Либерализм как слово и как символ» [25] раскрывает тему трансформации значения понятия «либерализм» в американской политической практике первой половины XX в., Ф. Хайек в работе «Судьбы либерализма в XX веке» [41] дает, не только ретроспективу трансформации либеральной идеологии, но и биографическую и историческую справку о своем участии и участии своих коллег и сторонников в событиях, которые непосредственно связаны с изменениями в сущности либеральной идеологии. В работе Р. Райко «Классический либерализм и Австрийская школа» [70] рассматривается

взаимодействие идей Австрийской школы с классическим либерализмом, а также затрагивается тематика трансформации либерализма в XX в. Так же необходимо отметить статьи М. Ротбарда посвященные этой тематике: «Ноябрьский меморандум» [83], «Рональд Рейган: вскрытие» [80], «Жизнь среди старых правых» [78], в которых освещается вопрос трансформации идей классического либерализма применительно к американской политической действительности XX века. Таким образом, изучив представленный перечень литературы можно сделать вывод, что в политологической и исторической среде, идеология либерализма хорошо изучена, а также освещены некоторые аспекты поднятой в данной работе проблемы. Но при этом комплексной целостной работы, акцентирующей свое внимание именно на заявленной теме, не существует, как в отечественной, так и в иностранной политологической литературе.

В связи с продолжающейся трансформацией либеральной идеологии, а также той роли, которой обладает эта идеология, интерес к исследованию не ослабевает, соответственно **сущностной проблемой** данной работы является необходимость выявления роли и влияния Австрийской экономической школы на трансформацию либерализма в XX в. в связи с неослабевающим научным интересом к той роли, которой обладает данная идеология, с одной стороны, и недостаточной теоретической разработанностью данной тематики, с другой.

Целью данного исследования является выявление основных направлений трансформации либеральной мысли в XX в., и роли «Австрийской школы» в этом процессе.

Для достижения указанной цели в работе решаются следующие исследовательские **задачи**:

1. Охарактеризовать историю либерализма, выявить его идейные корни и характерные черты.
2. Проанализировать политические идеи Австрийской школы на раннем этапе ее развития.

3. Проследить развитие и трансформацию либеральной идеологии в конце XIX – начале XX вв., проанализировать основные идейные изменения в либеральной идеологии.

4. Проанализировать историческое и идейное влияние представителей Австрийской школы на развитие либерализма в XX в.

5. Выявить и проанализировать основные политические практики, образованные при непосредственном влиянии представителей Австрийской школы.

6. Выявить и сформулировать роль Австрийской экономической школы на трансформацию либерализма в XX веке.

Объект исследования – либеральная идеология в XX в.

Предмет данного исследования – взаимовлияние Австрийской экономической школы и идей либерализма в XX в.

Теоретико-методологическую основу данного исследования составляют такие общенаучные теоретические методы, как дедукция и индукция, анализ, исторический метод, системный метод, метод восхождения от абстрактного к конкретному.

Магистерская работа включает в себя введение, основную часть, состоящую из трех глав, в которых решаются поставленные задачи, заключения, списка источников и литературы, включающих 93 наименований.

ГЛАВА 1. КЛАССИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И АВСТРИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ШКОЛА

§ 1.1. Либерализм в XIX веке

Методологической основой данной работы служат теоретико-методологические разработки Людвиг фон Мизеса, представленные в работах «Человеческая деятельность» [19] и, наиболее полно, в «Теории и истории» [18]. Данные разработки, в свою очередь, базируются на традиции Австрийской школы в исследовании социальных явлений и основываются на работах Карла Менгера, Ойгена фон Бём-Баверка и Фридриха фон Хайека, а так же на идеях Макса Вебера.

Основным элементом этой теоретико-методологической доктрины является постулат о методологическом дуализме – радикальном различии между науками, изучающими физические явления и объекты и науками, изучающими человека и его взаимодействие с окружающим миром. Ко вторым автор относит науки исторического характера, к ним он относит и большинство политологических исследований и теоретического, к которым он относит экономику. Исходя из этого дуализма, следует, что в изучении социальных наук методы естественных наук малоприменимы или неприменимы вовсе, а в изучении человеческой истории, а что важнее политической истории или политологии нужно особое внимание уделять изучению идей. Поскольку именно идеи, в конечном итоге, движут людьми. При этом акцентироваться стоит не только на общепринятых и общепризнанных идеях. На идеях, которыми движимы политические лидеры и движения, а на идеи, которые могут существовать только в умах ученых и незначительной прослойки интеллектуалов. На тех идеалах, которые еще не успели завоевать массового почитателя. Таким образом, в этой работе особое внимание будет уделяться именно теоретическим разработкам либеральных мыслителей и их оппонентов, поскольку особый акцент работы делается на

стремление рассматривать сами идеи, в их развитии и взаимодействии с друг другом.

Для получения достоверных и значимых научных результатов в работе используются комплекс общенаучных методов, среди которых, прежде всего, стоит отметить исторический метод, который служит для сбора исторических данных и анализа исторической эпохи сопутствующей развитию и трансформации идей. Индуктивный и дедуктивный метод. Индукция служит для накопления данных о политических событиях и идеологических трансформаций, с последующим обобщением и выводами значимыми для данного исследования. Метод дедукции выражается в соотношении взглядов отдельных идеологических лидеров и политических течений с заранее сформулированными идеальными моделями либеральных идей. А также используется для соотношения взглядов политических идеологов и их последователей, если это не противоречит историческим данным. Применение системного метода обусловлено необходимостью изучения либерализма во взаимосвязи его составных элементов. Метод восхождения от абстрактного к конкретному используется для анализа взглядов политических и общественных деятелей на основании их приверженности либеральным принципам. Также используется аналитический метод, для анализа полученных данных.

Исследование любой тематики требует знакомства с основополагающими понятиями. Исходя из наименования работы, данное исследование имеет дело с двумя основными понятиями – либерализмом и Австрийской экономической школой. Поскольку изучение такого широкого и многогранного понятия, как либерализм требует особой осторожности и внимательности к контексту использования. Отвечая на вопрос о терминологии, стоит отметить, что использование слова либерализм зависит от методологии исследования, и того контекста, который вкладывает автор работы. Таким образом, данная работа требует изучения истории развития либерализма в XIX в., чтобы понять основные черты этой идеологии,

базовые посылки и те пути развития, которые были заданы с самого начала образования этой идеологии. Либерализм, несмотря на частоту использования, и кажущуюся простоту определения, имеет множество толкований, и разностей в понимании смысла этой идеологии. От идеологии «рыночного фундаментализма», до идеи «социального государства», от идеи вседозволенности, до идей строго морального ограничения и главенства закона над обществом – все это подпадает под один и тот же термин. При этом такое непонимание либеральной идеологии и терминологии неново, а напротив, имеет глубокие корни. Либерализм, как и любая идеология с давней историей множество раз трансформировался, менял свое значение от эпохи к эпохе, менял свое идейное наполнение от страны к стране, от региона к региону, и более того менял свое значение от контекста своего использования и тех, кто использовал этот термин.

Как отмечает исследователь Джованни Сартори: «Если доктрина либерализма как явление, по мнению такого авторитетного специалиста, как Гарольд Ласки, играла заметную роль в истории Запада на протяжении четырёх веков, то слово «либерализм» появилось относительно недавно» [84, с. 357]. Термин «либерализм» появился в 1811 году, когда группа испанцев – националистов в кортесах (испанской разновидности парламента того времени) предложила принять конституцию базирующуюся на французской конституции 1791 г., которая в свою очередь, основывалась на идеях радикальных философов эпохи просвещения. Сторонники этой радикальной конституции называли себя либералами, и поскольку корни этого либерализма были в просвещении, значительным элементом их идеологии был антиклерикализм. В споре о новой конституции с монархистами и клерикалами, а также светскими сторонниками католической церкви либералы стали еще большими антиклерикалами. Их оппоненты отвергали конституцию, как негодный документ, основанный на ложных теологических и философских допущениях. Притом испанских либералов нельзя было назвать образцом добродетели, Томас Нил назвал их философию

«доктринерской», деспотичной, и – как не странно – совершенно нелиберальной [66, с. 7].

Из Испании термин «Либеральный» отправился в Италию, как «liberalismo», и во Францию – «liberalism», где использовался для характеристики некоторых местных политических убеждений. Важно понимать, что в каждом случае новый ярлык прикладывался к убеждениям, которые уже существовали. Термин «либерализм» приходил после того, как либерализм возникал, как явление [84, с. 128-129]. И поскольку слово следовало за фактом – никакого идеологического сходства в использовании слова в разных странах не существовало. В католических странах либерализм, как правило, включал в себя антиклерикализм, но при этом в ярлыке «либеральный» не было ничего, что бы свидетельствовало о необходимости такой взаимосвязи. Хотя английский либерализм и имел некоторый теологический подтекст, в действительности он не был антиклерикальным, будучи сосредоточен в первую очередь на экономических проблемах, и лишь во вторую – политике.

Стоит отдельно рассмотреть отдельно становление и укоренение термина «либерализм» в Англии, куда он был занесен с континента, поскольку именно в этой стране данный термин приобрел конечный смысл, ту коннотацию, которая известна нам. С 1811 по 1830 г. термин «либерализм» путешествовал по европейскому континенту, приобретая коннотации революции, антиклерикализма и безграничного своеволия. Затем, около 1830 г., левое крыло партии вигов объединилось с группой радикалов и предпринимателями, начав борьбу за то, что в итоге стало реформой избирательной системы 1832 года. Они предложили расширить избирательное право, распространив его на предпринимателей, и пересмотреть деление страны на избирательные округа, с тем, чтобы растущие промышленные центры получили более справедливое представительство. Сельские землевладельцы и их представители в Парламенте, «Тори», полагали, что, назвав своих оппонентов «либералами»,

они получают стратегическое преимущество в своем противодействии реформе, так как это должно было (как надеялись тори) вызвать ассоциацию с «не-английскими» революционерами континента. Таким образом, в Англии термин «либерал» поначалу стал использоваться с намерением употребить его в его уничижительном значении.

Однако, по всей видимости, слову «либеральный» были неотъемлемо присущи позитивные оттенки смысла. В Англии с конца XVIII в. прилагательное «либеральный» означало «свободный от предрассудков и далекий от ортодоксального рвеня». Определение «либеральный» подразумевает «терпимость» (*liberality*) и «свободу» (*liberty*); все эти слова происходят от одного латинского слова *liber*, означающего «свободный».

Для прогрессивных вигов слово «либеральный» было особенно удачным символом вследствие исторических обстоятельств, при которых оно вошло в употребление. Весь континент был охвачен агитацией в поддержку реформы. В слове «либеральный» была схвачена суть исторического сдвига, поскольку оно подразумевало свободу, устранение ограничений и прогресс. В Англии XIX в. использование этого слова в политических целях сулило немалые преимущества. Этим и воспользовались прогрессивные виги: в Англии тех лет прилагательное «либеральный» имело настолько очевидный положительный смысл, что они охотно приняли так называемый не-английский, иностранный ярлык «либеральный».

Противники нового либерального крыла партии вигов оказались в очевидно невыгодном положении. Дело было не только в том, что их план закрепить за прогрессивными вигами определение «либералы» в качестве уничижительного наименования привел к обратному результату, но и в том, что их собственное название, «тори», стало в то время считаться постыдным.

Какое-то время в парламенте сосуществовали три главные группы: тори, виги и либералы. «Традиционная парламентская система, по-видимому, была неспособна допустить рядом с партиями вигов и тори третью, не подчиненную ни той, ни другой», - пишет Гвидо де Руджеро, - «но со

временем, благодаря более активной и реалистичной позиции, партия свободной торговли втянула старомодный либерализм вигов в свою орбиту и тем самым восстановила старую двухпартийную систему, хотя и придала этой форме новое содержание» [84, с. 99]. Старым содержанием было соперничество двух партий, обе из которых базировались на единой аристократической традиции и в качестве основания членства имели одинаковые привилегии от рождения. Новым содержанием стала политика, базирующаяся на классовом интересе. В результате вместо старого деления депутатов на вигов и тори в Парламенте возникло новое деление, на либералов и консерваторов.

Таким образом «либерализм» закрепился за одной из ведущих политических партий, и наконец, приобрел определенный политический смысл, тесно переплетенный с программой вигов, наследием просвещения и идеями экономистов – сторонников рынка. При этом важно отметить, что формирование термина «либерализм» и его закрепление в политическом лексиконе проистекало, в значительной мере, отдельно от формирования его идейного наполнения. Такие классики либеральной мысли, как Жан-Жак Руссо, Джон Мильтон, Монтескьё, Джон Локк, Адам Смит, Дэвид Юм, – не застали массового использования этого термина, и соответственно не использовали этого термина для обозначения определенных политических взглядов. Другие, например Томас Джефферсон и Джеймс Мэдисон – попросту не использовали этого слова, для обозначения своей идеологии и своей политической партии, своей политики – они использовали другой термин – антифедерализм, или республиканизм.

Несмотря на то, что определенное значение термин «либерализм» получил относительно недавно, он впитал в себя наследие различных идеологических течений предшествующих двухсот лет. Такие события в истории, как Английская революция, Славная революция, Американская война за независимость (или Американская революция) и Великая французская революция, такие документы «Декларация независимости» 1776

г., «Статьи Конфедерации» 1777 и французской конституция 1791 г. – напрямую повлияли на формирование либеральной мысли.

Кроме того, в формировании либерального мировоззрения можно выделить два направления радикальное и экономическое.

Главным представителем радикального направления был Иеремия Бентам. Человек, сочетавший высочайшую эффективность, крайний индивидуализм, высшую степень рационалистичности. Про него говорили, что его выводы «опережают самое смелое воображение». Руджеро утверждает: «Всякий закон для него есть зло, потому что нарушение свободы индивидуума и вообще любая функция правительства есть зло» [84, с. 99]. Бентам считал, что общество находится в гармонии, когда люди руководствуются своими эгоистическими интересами. Однако иногда индивиды не следуют своим эгоистическим интересам. Поэтому государство действует вполне обоснованно, принимая законы, создающие препятствия для людей, которые, действуя из ложного эгоизма, стесняют свободу других людей. Но не существует естественного права; наоборот, всё право создается правительством и всё право «инспирировано интересом большинства и одновременно направлено против так называемого ложного, узкоэгоистического интереса» [84, с. 102]. Принцип Бентама был с готовностью воспринят буржуазией, использовавшей его против эгоизма землевладельческого класса.

Второй составной частью классического либерализма, и наиболее важной для понимания дальнейшей темы исследования, является философия английских (отчасти и представителей других стран, Франции, Голландии и Австрии) экономистов. В экономике эту группу можно назвать последователями Адама Смита. Они верили в существование Homo oeconomicus – «человека экономического», преследующего свои эгоистические интересы (и в этом они сходились с радикальными представлениями Бентама) и абсолютно рационального в своих действиях, при этом тем самым создают общественный порядок и общественное

благополучие – «Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это. Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы много хорошего было сделано теми, которые делали вид, что они ведут торговлю ради блага общества» [27, с. 394].

Наиболее известная работа Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» [27] представляет собой хороший образец для анализа либеральной идеологии в целом, и идеи «рыночного общества» в частности. Британский историк Генри Томас Бакл (1821-1862) заявил, что «этот уединенный шотландец, опубликовав одну единственную работу, больше способствовал счастью человека, чем объединенные усилия всех государственных деятелей и законодателей» [64, с. 154]. Английский экономист Уолтер Баджхот (1826-1877) сказал о богатстве народов: «Жизнь почти всех в Англии – возможно и всех – становится все лучше и лучше» [64, с. 154]. Адама Смита зачастую называют отцом современной экономической науки, и главным защитником либеральной политики своего времени. Однако это не совсем верно, Адам Смит не открывал новую главу в социальной философии и не работал в области до сих пор остававшийся неразработанной. Его книги были скорее завершением, обобщением и совершенствованием линий мышления, разработанными выдающимися авторами, в основном британцами, в течение более чем ста лет. Книги Смита не заложили фундамент, но стали краеугольным камнем системы идей. Их возвышение следует рассматривать именно в том ключе, что они объединили основную часть этих идей в систематическое целое. Они представили сущность идеологии свободы, индивидуализма и процветания.

Именно эта идеология взорвала институциональные барьеры для проявления инициативы отдельного гражданина и, тем самым, для улучшения экономики. Это проложило путь к беспрецедентным достижениям свободного капитализма. Практическое применение либеральных принципов умножило численность населения, а в странах,

приверженных политике экономической свободы, обеспечило даже менее способным и менее трудолюбивым людям уровень жизни выше, чем уровень благосостояния «старых добрых дней». Идеи, которые нашли свое классическое выражение в двух книгах Адама Смита, разрушили традиционную философию меркантилизма и открыли путь для массового производства капиталистов для нужд масс. При капитализме обычный человек – это многозадачный клиент, который «всегда прав». Его покупка делает эффективных предпринимателей богатыми, а его воздержание от покупки заставляет неэффективных предпринимателей выходить из бизнеса. Суверенитет потребителей, который является характерной чертой бизнеса в свободном мире, является сигналом производственной деятельности в странах западной цивилизации. Адам Смит начинает свое «Богатство народов» и соответственно картину мира, с вопроса разделения труда и обмена. Разделение труда занимает в работе гигантское значение, как отметил Шумпетер, никогда ни один экономист до того или после, не придавал такого значения теме разделения труда [75, с. 435].

К середине XIX в. классический либерализм сформировался, как целостная система взглядов на процессы общественного развития, государственного устройства в условиях модернизации и перехода к индустриальному обществу. Основой этой системы составляло представление, восходящее еще к идеям Джона Локка, и других английских и шотландских философов, а также к английской правовой традиции и религиозной практике, о безусловной ценности человека, как личности, и соответственно о приоритете индивида над общественной жизнью. С точки зрения либерализма, человеку природой (или Богом, спор о происхождении естественных прав человека не прекращался в либерализме с момента его появления) дано быть полноценной личностью, за ним закреплено уже в силу рождения право распоряжаться своим телом, плодами своего труда, выбирать свою судьбу и свои идеалы, и жизненные ориентиры, а также пути реализации своих желаний и стремлений. Таким образом, основным из

базовых элементов классической либеральной мысли стало представление о свободе личности, как выражение естественных прав, и соответственно равенство людей перед законом и их равное право на свободу.

Для понимания идеи либерального общества и либеральной идеологии в целом, необходимо прояснить значение слова «свобода» в понимании либералов. Либеральная традиция зарождалась в период ранней модернизации общества, перехода от военной организации к добровольной, отказа от феодальных привилегий и ограничений. Поэтому понятие свобода приобрело совершенно определенные коннотации и трактовалось с точки зрения «освобождения личности», как негативная свобода, то есть «свобода от». Свобода от навязанных порядков, ограничений и диктата общества, церкви и власти. Как отмечает один из идеологов классического либерализма XX века Фридрих Хайек в своей работе «Дорога к рабству» [39] – верховенство права гарантируют базовую негативную свободу, и это должно быть основной функцией государства, наряду с обороной и защитой граждан. Негативная свобода – это максимум того, что может быть обеспечено государством с помощью верховенства права и надзором за порядком конкуренции. Попытка же сконструировать позитивную свободу влечет за собой угрозу порабощения.

Еще одной важной составляющей присущей либеральному мышлению была классическая максима – «Laissez Faire» (позвольте делать), предписывающая государству не вмешиваться в хозяйственную деятельность частных лиц: Laissez Faire, laissez passer (позвольте делать, позвольте двигаться). Сама доктрина возникла естественным образом на рубеже XVII – XVIII вв. как протест против избыточного регулирования промышленности со стороны правительства. Содержательно первая часть этой фразы означает требование свободы предпринимательства вторая – требование свободы торговли. Принцип «Laissez Faire» предполагал, что свободное творчество человека, предпринимательская деятельность, добровольный обмен и сотрудничество могут естественным образом решить все стоящие перед

человеком проблемы, и привести к наилучшему развитию общества. По выражению французского автора, защитника либерализма и свободных рынков Фредерика Бастиа, рыночное общество – это общество «экономической гармонии» [1].

При применении этой максимы к политической жизни, в сферу государственных и правовых отношений получалась и обосновывалась модель минимального государства – «государства – ночного сторожа». Где границы деятельности публичной власти четко ограничивались законом, и ограничивались такими сферами, как обеспечение правопорядка, защиты от внешних врагов и судопроизводством. Важным аспектом такой власти был ее публичный характер, подотчетность и главенство закона над исполнительными функциями, все это позволяло уменьшить уязвимость граждан от возможного диктата власти, создать «правовое государство».

Таким образом, рассмотрев историю и исследуя основные представления классического либерализма XVIII – XIX вв. можно сделать некоторые выводы. Во-первых, стоит выделить общее определение для либеральных взглядов. Итак, классический «Либерализм – система взглядов на поведение людей в этом мире. В конечном счете, либерализм не имеет никакой иной цели, кроме как повышение материального благосостояния людей, и не касается их внутренних, духовных и метафизических потребностей. Он не обещает людям счастья и умиротворения, а лишь максимально полное удовлетворение тех желаний, которые могут быть осуществлены за счет взаимодействия с предметами материального мира. Общество, в котором осуществляются либеральные принципы, обычно называется капиталистическим, а состояние такого общества – капитализмом» [15, с. 30]. Основными постулатами, которых придерживаются приверженцы классического либерализма, являются: мир, свобода и собственность [54]. Исходя из этих посылок, и строится представление либерализма об экономике обществе и политическом процессе.

§ 1.2. Австрийская школа и либерализм

«Австрийская экономическая школа» весьма широкий термин. Согласно наиболее распространённому в словарях и энциклопедиях определению, Австрийская школа в экономике - это одно из основных направлений маржинализма (наряду с «Лозаннской» и «Кембриджской» школами), созданное в Венском университете (Австрия) в конце XIX - начале XX веков. И в последующем, распространенное по всему миру. Учебные материалы по истории экономической мысли и экономической теории дают похожее определение, отмечая, что австрийская школа – это направление в экономической теории, которое основой ценообразования считает концепцию «предельной полезности», и было создано в 80-е годы XIX века [7, с. 17-20]. Но для исследования политической философии, созданной австрийской экономической школой подобные определения являются слишком узкими. Поскольку значительную часть политической составляющей австрийской экономической школы строится не только на маржинализме, и значительный вклад в развитие философии привнесли не только экономисты, но и публицисты и журналисты, такие как Леонард Рид, Генри Хэзлитт и Луэллин Рокуэлл. Политические философы - Б. де Жувенель [5], Уолтер Блок и Ханс-Херман Хоппе. Правоведы – Бруно Леони и Стефан Кинселла. И историки, работающие в традиции австрийской школы, Томас Вудс, Роберт Хиггс и Томас Дилоренцо [55]. Поэтому, для анализа Австрийской школы, как направления философской и политической мысли, необходимо более широкое определение, включающие в себя не только теоретические границы экономической науки и географо-историческую привязку течения, но и принципы генезиса философии этой школы. Таким образом, в широком смысле, мы можем определить Австрийскую экономическую школу – как исследовательскую традицию, основанную на общих принципах субъективизма и индивидуализма, общую для всех представителей данного течения. Традиция, которая распространяется не

только на анализ рынков, но и на анализ истории, права и общества. Следовательно, в рамках данной работы, термин «австрийская школа» будет использоваться не только, как определение экономической мысли, или как направление мысли, развивающееся в границах бывшей Австрийской Империи, а в более широком смысле, подходящем для анализа политической философии.

Формально начало австрийской школе положила работа К. Менгера «Принципы политической экономии» [12] вышедшая в 1871 г. Выход этой работы ознаменовал так называемую маржиналистскую революцию в теории стоимости. Дело в том, что классическая политическая экономия базировалась на предположении о том, что существует некоторая естественная ценность, вокруг которой колеблются рыночные цены. Этот подход к цене базировался еще на взгляде Аристотеля, который полагал, что обмен предполагает некий эквивалент благ. При этом подход классической экономической теории (А. Смит, Д. Рикардо) к определению стоимости не сильно изменился со времен Аристотеля. На таком же ошибочном представлении о стоимости строилась и экономическая теория К. Маркса.

Подход, представленный в работе Менгера, был абсолютно новаторским в этом смысле. Автор рассматривал акт выбора, как порождающий цену процесс. То есть, по мнению автора, до выбора или акта обмена цены просто не существует. При этом ценность зависит от редкости благ. То есть, в мире экономических благ, где количество блага строго ограничено, одни блага являются более редкими, чем другие. Таким образом, эти блага имеют большую ценность. При этом цена определяется ценностью, и зависит от субъективных предпочтений индивида в конкретном акте обмена. Субъективный подход стоимости является ключевым пунктом дальнейшего развития экономической теории австрийской школы, и одним из ключевых элементов философии австрийской школы. Второй важнейший пункт, ставший общим для всей австрийской философии, стал изложенный во введении к «Политической экономии» принцип методологического

индивидуализма, или как его называл сам К. Менгер – атомистический: «В последующем изложении мы старались свести сложные явления человеческого хозяйства к их простейшим элементам, еще доступным точному наблюдению, приложить к последним соответствующую их природе меру и с установлением ее снова показать, как сложные хозяйственные явления закономерно развиваются из своих элементов» [12, с. 62]. Менгер считал, что не было никаких «социальных целых» или «социальных организмов». Этот подход органически вытекал из принципа методологического индивидуализма, согласно которому экономист должен создавать свои теории из анализа отдельных актов отдельных субъектов.

В дальнейшем, вопросы методологии экономической науки, К. Менгер будет развивать в работе «Исследование метода социальных наук и политической экономии в частности» (1883) [12]. Эта работа является весьма важной для анализа политической философии австрийской школы, так как подходы и Л. Мизеса, и Ф. Хайека, а в дальнейшем и следующих поколений представителей австрийской школы, к анализу социальных явлений был тесно связан с принципами, изложенными в данной работе. Принципы методологии экономической науки, и других социальных дисциплин, были изложены через последовательную критику доминирующих подходов того времени к социальным наукам. Конечно, в основном, эта критика направлена на такие подходы, как научный позитивизм (Ф. Бэкон, О. Конкт) и «историческая школа» (Книс, Шмоллер, Гильдебранд, Рошер), доминирующая в конце XIX века в немецкоязычном научном пространстве. Таким образом, К. Менгер отказался от позитивистского подхода к социальным наукам и представления о фрагментации знаний. Менгер поставил под сомнение возможность получения теоретических знаний исходя из исторического наблюдения. Более подробно на критике подобного подхода и «исторической школы» в целом он остановился в заключении к работе «О методе» [12, 468-469 с.]. Где в частности критикует смешение подходов к исследованию экономики – теоретического, исторического и

практического. Таким образом, К. Менгер приходит к выводу, что любой экономический курс государства, основанный на неверном понимании экономической науки, приведет к провалу [12, с. 446-448]. Как отмечает Ф. фон Хайек в предисловии к работе Менгера, исследования о методе экономической науки представляют собой не меньшую ценность, чем «Принципы политической экономии» [12, с. 27]. По ряду причин с такой позицией стоит согласиться. Во-первых, «Исследование метода социальных наук и политической экономии в частности» привлекли несравненно больше внимание среди научной общественности, вызвав, так называемый «спор о методах». Данная дискуссия способствовала популяризации австрийской экономической школы. Во-вторых, принципы исследования, изложенные в этой работе, дополнили метод субъективистского подхода, и легли в основу всех дальнейших исследований австрийской школы.

Также, к первому поколению представителей австрийской школы можно отнести непосредственных учеников Карла Менгера - фон Визера и фон Бём-Баверка. Ойген фон Бём-Баверк (1851 - 1914) показал, что процентные ставки, в их естественном состоянии, определяются временными предпочтениями людей, а также тем, что норма прибыли от инвестиций, как правило, равна временным предпочтениям. Работа Бём-Баверка «Позитивная теория капитала» (1889) [2] показала, что естественная норма прибыли в бизнесе определяется процентной ставкой. Кроме того, он показал, что капитал не однороден, а имеет сложную, разветвленную структуру. Бём-Баверк, в другой своей работе «К завершению марксистской системы» (1896) [3] одним из первых подверг критике социалистическое учение, а именно марксистскую теорию капитала и заработной платы, тем самым опроверг теорию эксплуатации. Несмотря на высокую занятость в органах государственной власти (Бём-Баверк был министром финансов (в 1895, 1897-1898 и 1900-1904 гг.), председателем Верховного апелляционного суда и президентом академии наук), Бём-Баверк смог внести не только существенный вклад в развитие австрийской теории, но также смог

значительно популяризировать подход австрийской школы к анализу рынков и австрийскую теорию капитала. Фридрих фон Визер (1851 – 1926) еще один представитель австрийской школы первого поколения. Визер более других способствовал распространению идей австрийской школы, он посвятил 42 года своей жизни преподаванию австрийской теории. А также написал первый учебный трактат по австрийской теории «Теория общественного хозяйства» (1914), предложив в нем удачные формулировки уже существующих определений [45, с. 58-60]. Также Визер впервые сформулировал принцип альтернативных издержек. Кроме того, стоит упомянуть еще одного представителя австрийской школы первого поколения, Ойгена фон Филиппович фон Филиппсберг (1858-1917). Как отмечает Ф. фон Хайек, фон Филиппович, не будучи выдающимся теоретиком, выпустил весьма популярный учебник, в котором изложил теорию предельной полезности. И даже спустя 20 лет после выхода, учебник оставался одним из самых популярных на территории Германии [45, с. 62].

Стоит отметить, что идеи высказанные представителями австрийской школы не зародились на пустом месте. Как отмечает испанский ученый, работающий в австрийской традиции, Х.У. де Сото, корни австрийской школы можно проследить вплоть до работ испанских схоластов XVI -XVII веков. В частности, как писал де Сото в своей работе «Австрийская экономическая школа»: «Главной заслугой Карла Менгера было то, что он открыл и вдохнул жизнь в эту континентальную испанскую католическую традицию, которая пребывала в упадке и была практически забыта из-за триумфа протестантской реформации и «черной легенды», направленной против всего испанского, а особенно из-за пагубного влияния Адама Смита и всей классической школы политической экономии на историю экономической мысли» [34, с. 52-53]. Как отмечает автор, большинство идей австрийской теории, были ранее открыты представителями Саламанкской школы и университета Коимбры и позднее, в связи с деятельностью шотландской реформации были забыты. В частности, он отмечает, что идеи

субъективной теории ценности, динамичной природы рынка, принципа временного предпочтения, анализа банковской системы и ряда других открытий были представлены именно испанскими томистами [34, с.44-52]. Российский исследователь, и представитель австрийской школы П. Усанов отмечает, что традиция Саламанкской школы, и субъективного подхода к теории стоимости не была полностью забыта, а продолжала свое развитие, в рамках континентальной либеральной традиции. В частности он отмечает взгляды французских физиократов и в частности Ф. Кенэ, а также взгляды ирландского экономиста Ричард Кантильона.

На данный момент существует распространённая позиция, согласно которой австрийская экономическая школа напрямую ассоциируется с идеями политического либерализма. Отмечается «Австрийская этическая позиция» или «морально-этические позиции» австрийских экономистов. На первый взгляд это легко объясняется современным развитием австрийской школы, но при этом стоит отметить, что представители школы изо всех сил пытались отстаивать принцип ценностно–нейтральной экономической науки – «Wertfreiheit» и, следовательно, соответствия их учения требованиям Макса Вебера к научной теории. К примеру, Л. фон Мизес в своей ключевой работе «Человеческая деятельность» утверждал: «В этом смысле мы можем сказать, что экономическая наука аполитична или неполитична, хотя является основой политики и любого политического действия. Более того, мы можем сказать, что она абсолютно нейтральна по отношению к любым ценностным суждениям и субъективным оценкам, так как она всегда относится к средствам и никогда к выбору конечных целей» [19, с. 829].

Хотя, в исследовательской среде существует мнение, что принципы, заложенные в основание австрийской философии еще ее основателями, глубоко либеральны по своей природе. Как уже отмечалось выше, методологический индивидуализм является краеугольным камнем австрийской школы, как отмечает Фриц Махлуп, приверженность данному принципу является: «наиболее типичным требованием, предъявляемым к

истинному приверженцу австрийской школы» [70, с. 30-31]. При этом обращаясь к критерию Махлупа, Израиль Кирзнер – другой экономист австрийской школы отмечает, что методологический индивидуализм «не следует путать с политическим или идеологическим индивидуализмом» [70, с. 31], индивидуализм относится только «к утверждению, что экономические явления можно объяснить, возвращаясь к действиям отдельных лиц» [70, с. 31]. Таким образом, возникает закономерный вопрос, имеет ли сам принцип методологического индивидуализма какие-либо политические последствия. Конечно же, в большинстве случаев, из методологического индивидуализма следуют принципы политического индивидуализма. Что в свою очередь более или менее соответствует либеральным принципам. При этом следует отметить, что можно придерживаться принципа методологического индивидуализма и не быть классическим либералом. Например, норвежский ученый Джон Эльстер настаивает на необходимости методологического индивидуализма в социальных науках, при этом оставаясь марксистом. Тем не менее, стоит отметить, что Эльстер отрицает некоторые принципы классического марксизма, как не соответствующие принципу методологического индивидуализма [70, с. 31]. В целом, представляется очевидным, что австрийский методологический подход исключает некоторые идеологии, которые также не соответствуют ценностям либерализма, такие как классический марксизм, расизм и ультранационализм.

Конечно, метод австрийской школы с самого начала был в центре политических дебатов. Сам факт того, что «нация» и «государство» не являются первичными, породил споры в научной среде. Много лет спустя Ф. фон Хайек написал в своей самой главной работе по методологии науки «Контрреволюция науки» [40] об исторической и теоретической связи между отказом от методологического индивидуализма и ростом социалистических настроений. Рассмотрение целостностей привело к идее, что можно раскрыть законы развития таких целостностей. Кроме того, по мнению Хайека, предполагаемое открытие таких законов привело к построению философии

историцизма, на которой были основаны основные социалистические проекты. В особенности сенсимонизм – система, которую он разбирает в своей книге. Последователь раннего «утопического» социализма – Анри де Сен-Симон, был сторонником сциентизма, то есть применения методов естественных наук к социальной сфере. И это сциентическое отрицание методологического индивидуализма, по мнению Хайека, сделало больше для распространения идей социализма, чем все противостояние между классами [40, с. 206-210].

Следующий принцип – субъективизм был упомянут выше, но его стоит рассмотреть подробнее. В центре внимания австрийской школы, как отмечает Людвиг Лахманн: «создание мысли, экономический расчет или экономический план личности, всегда стоит на первом плане теоретического интереса» [70, с. 34]. Принцип субъективизма тесно переплетен с указанным ранее методологическим индивидуализмом. В целом, в этой области существует тесная связь с важным элементом классического либерализма. В качестве примера можно привести Бенжамена Констана и Герберта Спенсера [70, с. 35-36]. В борьбе с авторитарными идеологиями, либеральные мыслители, ориентированные на каждого отдельно взятого человека, то есть независимо от класса, расы и социального положения. На уровне политики, индивидуалистическая и субъективистская методология австрийской школы имеет тенденцию, по крайней мере, косвенно вести к либеральной политике.

С ранней стадии «австрийцы» делали акцент на «спонтанном порядке», в смысле близком, или даже производным от писателей шотландского Просвещения. Социальные механизмы рассматривались, как главный продукт непреднамеренных последствий индивидуального действия, который, таким образом, приводит к социальным институтам, которые являются полезными, хотя и неумышленными. В своих исследованиях К. Менгер рассматривает этот вопрос: «теоретическое осмысление тех социальных явлений, которые не являются продуктом соглашения или позитивного законодательства, но являются нежелательными результатами

исторического развития». Он ставит вопрос: «Как может быть так, что институты, которые служат общему благу и имеют чрезвычайно большое значение для его развития, возникают без единой воли, направленной на их установление». Менгер указывает, что «закон, язык, государство, деньги, рынки, все эти социальные структуры в немалой степени являются непреднамеренным результатом социального развития» [70, с. 50].

Если, анализировать взгляды основателей австрийской школы, то нельзя не заметить, что у них нет единства в политической философии. Карл Менгер, основатель школы, крайне осторожно высказывался об актуальной политической ситуации, и не прикладывал достаточно интеллектуальных усилий для исследований в области политической философии. При этом, как отмечает Л. Мизес, Менгер «от всей души не одобрял интервенционистской политики, которую проводило австрийское правительство, как почти и все правительства той эпохи» [70, с. 33]. Эрих Штрайсслер, также определяет Карла Менгера, как классического либерала в духе Адама Смита, добавляя, что Менгер отводил правительству еще меньшую роль. При этом Эмиль Каудер отмечает, что Менгера можно назвать сторонником социальных реформ и критиком принципа невмешательства, заявляя, что на Карла Менгера оказал влияние его брат – социалист Антон Менгер [70, с. 34].

Бем-Бёверк продолжил традицию своего учителя, и занимался преимущественно вопросами экономической теории. Эрих Штрайсслер отмечает, что в позициях Бем-Бёверка наблюдалась значительная эволюция. Если в 80-90 гг. XIX в. его взгляды довольно далеко уходят от позиций классического либерализма, то к началу XX в. его взгляды претерпели существенные изменения, и их можно было бы описать как либеральные. Штрайсслер отмечает, что Бем-Бёверк эволюционировал от более раннего скептицизма по поводу провалов рынка, к более зрелому опасению по поводу антиобщественного результата государственного вмешательства [70, с. 38].

О зарождение некой идеологии можно говорить только с 20-х годов XX в. Это зарождение можно напрямую связать с именем Людвиг фон Мизеса.

Л. фон Мизес (1881-1973) – один из самых выдающихся представителей австрийской экономической школы. За свою жизнь написал около 30 крупных работ по экономической теории, эпистемологии и политической философии. Л. Мизес родился в дворянской семье в городе Лемберг (ныне Львов) [45, с. 3], получил начальное образование и в 1900 г. сдал экзамен в Венский Университет. В 1905 г. Л.Мизес начал посещать семинары Й. Бем-Бёверк, что послужило его более системному увлечению экономической теорией. Под руководством Бем-Бёверка Мизес начал работу над своей первой работой «Теория денег и кредита» [17]. В этой работе Л. Мизес выполнил то, что было сочтено невыполнимой задачей: интегрировал теорию денег в общую теорию предельной полезности и цены то, что сейчас было бы названо интеграцией «макроэкономики» в «микроэкономику». Так как Й. Бем-Бёверк и другие его австрийские коллеги не принимали интеграции Мизеса и оставались без денежной теории. Некоторые исследователи относят эту и последующие работы Мизеса к «нео-австрийской» школе. В своей денежной теории Мизес возродил давно забытые принципы британской денежной школы, известной до 1850-х годов. Их идеи заключались в том, что общество вовсе не получает выгоду от любого увеличения денежной массы, а увеличение денег и банковского кредита только приводит к инфляции и бизнес-циклу. И именно поэтому государственная политика должна поддерживаться стопроцентного золотого стандарта. Л. Мизес добавил к этому пониманию элементы его теории бизнес-цикла. Кредитная экспансия банков, в дополнение к тому, что вызывает инфляцию, делает экономическую депрессию неизбежной, вызывая «ошибочные инвестиции». То есть путем стимулирования предпринимателей к чрезмерным инвестициям в капитальные товары, или «блага высшего порядка» (станки, строительные объекты и т.д.), приводит к недофинансированию в потребительские блага.

Проблема заключается в том, что инфляционный банковский кредит, когда он выдается бизнесу, создает представление о псевдо-экономии. И

заставляет предпринимателей считать, что существует больше сбережений, доступных для инвестиций в капитальное производство товаров, чем потребители действительно готовы сохранить. Следовательно, инфляционный бум требует рецессии, которая становится болезненным, но необходимым процессом, посредством которого рынок ликвидирует несостоятельные инвестиции и восстанавливает инвестиционную и производственную структуру, наилучшим образом удовлетворяет потребительские предпочтения и требования.

Первую часть своей научной карьеры Людвиг фон Мизес, подобно прежним представителям австрийской экономической школы, занимался исключительно вопросами экономической теории, в частности вопросами финансов, теории денег и кредита. Вопросы политической философии Л. Мизес начал поднимать только в работе 1927 г. «Либерализм» [15], которая на английском языке была издана под названием «Свободное и процветающее сообщество» (*The Free and Prosperous Commonwealth*) [45, с. 404-406]. Анализ этой работы представляется особенно интересным, поскольку эта работа дает понимание идеологических основ дальнейшего пути Л. Мизеса, а также показывает тот фундамент, на котором Л. Мизес создаст свою интеллектуальную школу в Вене, приобретёт новых учеников. Конечно, это работа не такая известная для экономистов того времени. По словам Ф. Хайека, Л. Мизес был в первую очередь известен как специалист в области денежной теории, а не либеральный теоретик. И эта работа не принесла ему такую известность, как работа 1922 г. «Социализм» [16]. Конечно, некоторый интерес для анализа представляет и эта работа. Кроме анализа социалистических идей, и доказательств того, что в плановом хозяйстве рациональный экономический расчет невозможен, на основании отсутствия рыночных цен. Проблема экономического расчета является сугубо экономической. Но Л. Мизес также интересуется политическими и психологическими причинами социалистического движения, он обсуждает исторические и культурные проблемы. В частности, в работе довольно

подробно рассматривается вопрос связи демократии и либерализма. «Политическая демократия с необходимостью вытекает из либерализма. Но часто говорят, что демократический подход должен, в конце концов, выйти за пределы либерализма. Утверждается, что, последовательно осуществленный, он потребует не только политического, но и экономического равенства. Посему чисто логически из либерализма должен развиваться социализм, а сам либерализм несет в себе начало собственного разрушения» [16, с. 31], – отмечает Л. Мизес в своей работе. Автор акцентирует свое внимание на опасности демократической системы для свободы и рыночной экономики. Отмечая при этом, что, несмотря на то, что: «чисто логически из либерализма должен развиваться социализм» отождествлять социализм с демократией, а демократию с социализмом нельзя. Демократия при социализме невозможна, несмотря на все лозунги, и социалистические споры о методах. Как замечает Мизес, социал-демократы и дальше могли бы использовать демократические лозунги, если бы «большевистская революция не заставила их до времени сбросить маску и продемонстрировать насилие, неотъемлемое от их учения» [16, с. 29].

«Всегда и везде либерализм требует демократии прежде всего. Он не хочет ждать, когда народ «созреет» для демократии, ибо полагает, что демократия выполняет столь важные общественные функции, что ее введение не терпит отлагательств» [16, с. 59].

Но в роли источника для анализа политической философии работа «Либерализм» представляет наибольший интерес, среди работ раннего периода [15, с. 159-160]. В данной работе Л. Мизес представляет, в весьма сжатом виде, экономические аргументы и более чем в других своих работах свое виденье функций правительства. «Либерализм» по своей структуре и логике изложения разделен на шесть частей, в которых соответственно представлены взгляды на разные аспекты политики либерализма.

Первый раздел работы – введение, Л. Мизес посвятил определению сущности либерализма, определение его задач и связей с капитализмом.

Согласно определению автора: «Либерализм – система взглядов на поведение людей в этом мире. В конечном счете, либерализм не имеет никакой иной цели, кроме как повышение материального благосостояния людей, и не касается их внутренних, духовных и метафизических потребностей. Он не обещает людям счастья и умиротворения, а лишь максимально полное удовлетворение тех желаний, которые могут быть осуществлены за счет взаимодействия с предметами материального мира» [15, с. 24]. Несмотря на то, что на первый взгляд, такое определение автора кажется сугубо материалистическим и лишенным внутренней полноты, Л. Мизес убедительно отстаивает именно такую позицию. Утверждая, что вопрос выбора, какие потребности людей стоит удовлетворять, материальные или духовные, лежит за идеологической гранью. Либерализм, таким образом, в представлении автора служит сугубо утилитарным соображениям, наилучшим инструментом для устройства общества таким образом, чтобы удовлетворить максимум возможных потребностей. Исходя из подхода, основанного на утилитаризме, Л. Мизес определяет экономическую политику либерального устройства: «Общество, в котором осуществляются либеральные принципы, обычно называется капиталистическим, а состояние такого общества – капитализмом» [15, с. 29]. Таким образом, Л. Мизес еще в 1927 г. определяет доктрину либерального направления мысли австрийской школы, навсегда отмежевавшись от других направлений либеральной мысли стопроцентной поддержкой свободного капитализма. Можно даже утверждать, что он в некотором роде отождествляет капитализм и либерализм, полностью отвергая возможность существования другого вида либерализма, основанного на системе отличной от капиталистической системы. Далее в работе Л. фон Мизес развивает идею либерализма, описывает принципы либерализма. В частности, в виде принципов либерализма, или некоторых столпов либеральной политики Л. Мизес выделяет – собственность, свободу и мир. «Программа либерализма, следовательно, если выразить ее одним словом, будет читаться так:

собственность, т.е. частное владение средствами производства» [15, с. 37], следовательно, как заявляет автор, другие принципы либерализма можно вывести из принципа собственности. Что касается видения государственного устройства, тот тут Л. Мизес, основываясь на утилитарном подходе, заявляет, что оптимальной формой правления будет республика с демократической формой правления. При этом Л. Мизес сразу же отвергает анархическое течение мысли, утверждая, что либерализм не имеет ничего общего с анархизмом, что либералы признают необходимость существования правительства и законодательства для поддержания общественного порядка. Что касается демократии, тот тут Л. Мизес придерживается не идеалистического, а сугубо инструментального подхода к демократии. То есть рассматривает демократию, как оптимальную форму устройства для наилучшего функционирования капиталистической системы. Как утверждает Л. фон Мизес, функционирование рынков и защита собственности не может существовать в отсутствии мира. Именно поэтому работа государственного механизма должна быть направлена не только на защиту собственности, но и не должна прерываться восстаниями и гражданскими войнами. [15, с. 53-55] Таким образом, демократия, будучи оптимальной, для принятия решений большинством, принимается Мизесом, как необходимость для функционирования общества. Важно также отметить поднятые в работе вопросы внешней политики и мирового устройства. Сразу стоит сказать, что автор не делает особых различий между внешней и внутренней политикой. Либеральная повестка - это не только программа для отдельной страны или партии, это принцип устройства общества универсальный по своей природе. Целью, как внешней, так и внутренней политики для либерала – это сохранение собственности, свободы и мирного сотрудничества [15, с. 110]. Таким образом, либерализм Л. Мизеса отрицает националистическую доктрину, как политическую доктрину во внутренней или внешней политике. Хотя стоит отметить, что сам факт существования наций он не отрицал, и вопросу конфликта наций посвятил другую свою работу «Нация, государство

и экономика» (1919). Интересен и весьма актуален взгляд Л. Мизеса, который впрочем, переняли практически все направления австрийской мысли, на право наций на самоопределение. Согласно подходу автора, право на самоопределение заключается в возможности, при помощи демократических институтов, населению решать вопрос членства в государственном образовании. Л. Мизес, для обеспечения всеобщего мира, большую роль отводит свободной международной торговле, свободе инвестиций и свободе передвижения между странами [15, с. 112-114]. Как отметил Л. Мизес уже в другой своей работе – «Человеческая деятельность» (1949): «Война — единственная альтернатива свободе иностранных инвестиций, реализуемой через международный рынок капитала» [19, с. 469].

Дабы полностью проанализировать политическую философию либерализма австрийской школы необходимо обратиться еще к нескольким авторам, в первую очередь к Фридриху фон Хайеку. Хайек (1899-1992), несомненно, один из самых выдающихся современных австрийских экономистов. Студент Фридриха фон Визера, протеже и коллега Людвиг фон Мизеса и ведущий представитель школы австрийских теоретиков, Ф.Хайек был более успешным, чем кто-либо другой в распространении австрийских идей по всему миру [45, с. 459-466]. Ф. фон Хайек всегда был более открытым к тому, что как он видел, могло принести пользу от государственного вмешательства. Он был, как уже отмечалось выше, учеником Визера. И, как сам признавал: «привлечен к нему, потому что в отличие от большинства других членов австрийской школы (Визера) имел много сочувствия к мягкому фабианскому социализму, к которому я был склонен, как молодой человек. Он ведь гордился тем, что его теория предельной полезности обеспечила основу для прогрессивного налогообложения» [70, с. 68]. В начале своей карьеры, Хайек заявил, что уроки экономики создают презумпцию против вмешательства государства.

В 1974 г. Хайек получил Нобелевскую премию по экономике. Кроме того, Ф. Хайек больше, чем кто-либо другой из австрийских экономистов

посвятил себя работе в области политической философии. Наиболее известная его работа посвящена преимущественно вопросам политической философии – «Дорога к рабству» (1944) [39]. «Дорога к рабству», конечно, не была новой вехой в либеральной мысли или открытием неких философских истин, скорее эта работа была удачным примером популяризации идей австрийской школы. Несмотря на неоригинальность работы, анализ этой работы представляет большой интерес, поскольку данная работа привлекла большое количество сторонников к Ф. Хайеку и Л. Мизесу в 50-60-е годы XX в [45, с. 591-600].

Ф. Хайек выпустил свое исследование коллективизма в расцвет тоталитарных тенденций в Германии и СССР. В то же время эти две страны служат примером для идей Хайека, когда он пишет о тенденции развития Великобритании и США. Ф. Хайек понимает и принимает идеи экономической безопасности и равенства, он даже принимает минимальную форму перераспределения, но он предостерегает от движения в этом направлении. Проблема, как отмечает Ф. Хайек, заключается не в намерениях и целях, а в реализации и неизбежных результатах. Ф. Хайек анализирует ряд риторических трюков и уловок социалистов своего времени. Один из которых – постоянное повторение, что социализм и правительственное планирование было «неизбежным», поэтому бесполезно противостоять ему. Он также призывает, не поддаваться на уловки тоталитарного социализма в мантии демократии. Правительственное планирование, по своей сути, в долгосрочной перспективе несовместимо, как с демократией, так и с верховенством закона, и приводит к экономической диктатуре, пояснил он. «Худшие» всегда поднимаются на вершину политической власти при режиме государственного планирования, как отмечает Ф. Хайек, потому что они являются теми, кто с наименьшим стеснением лишает свободы своих сограждан и использует к ним насилие. Такая система может быть устойчивой, только благодаря тому, что назвал Ф. Хайек «конец истины», или последствиям массивной правительственной

пропаганды, что демонизирует гражданское общество, индивидуализм и систему мирного добровольного обмена и частной собственности (капитализма), в то время как восхваляет любые аспекты государства.

Ф. Хайек ведет читателя через различные аспекты социалистической мысли, делая два основных вывода: коллективизм никогда не работает, потому что невозможно создать центральный орган, чтобы адекватно управлять миллионами решений, необходимых обществу, чтобы функционировать. И попытки коллективизма всегда приводят к тоталитаризму. Это не только экономические и политические элементы, которые должны быть под контролем. Коллективисты и социалисты должны управлять даже обычной частной жизнью.

Таким образом, на основании представленных данных и результатах анализа работ авторов, можно сделать общий вывод. Конечно же, взгляды первого поколения австрийской школы, хотя и не были такими же либеральными, как у поколения их «учеников», но данные работы и идеи заложили определенный фундамент для развития политической философии австрийской школы. Так основополагающими, и обязательными для представителей школы стали представления Карла Менгера о субъективизме и методологическом индивидуализме. Главным в дальнейшем развитии идей школы стали работы первого поколения авторов: «Социализм» и «Либерализм» Мизеса, и «Дорога к рабству» Хайека. Они не только установили стандарты либерального мышления «австрийцев», но также привлекли к ним множество учеников и сторонников в различных частях света. Универсальный характер получили взгляды Мизеса на свободный рынок, денежную политику, роль правительства в регулировании экономики и общественной жизни, взгляды Хайека на законы и эволюцию институтов. Большое распространение получила идея Ф. фон Хайека о связи свободного рынка и политической и личной свободой.

ГЛАВА 2. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА

§ 2.1. Отход от принципов классического либерализма

Изменения либеральных принципов пришлось на XX в., но фундамент для этих изменений был заложен еще в XIX. Наиболее полно этот процесс можно проследить через те изменения, что произошли в повестке и идеологии Британской «либеральной» партии Вигов. Тот факт, что «либерализм» был закреплен за одной из двух крупнейших английских партий и тем самым имел совершенно конкретное политическое значение, не означал, что определение либерализма не могло изменяться. Как уже отмечалось ранее, либерализм представлял собой динамичную систему взглядов, изменяющуюся под воздействием различных внешних и внутренних факторов. Еще большие изменения он претерпевал под воздействием времени. Составные элементы классического либерализма содержали в себе семена будущих изменений, будущего либерализма социального обеспечения: радикальный элемент, экономический элемент и религиозный элемент.

Как уже отмечалось ранее, Бентам, главный представитель радикального элемента считал, что общество находится в гармонии, когда люди руководствуются своими эгоистическими интересами, однако иногда индивиды не следуют своим эгоистическим интересам. Именно поэтому обоснованно принятие таких законов, которые создают препятствия для людей, действующих из ложного эгоизма и создающих препятствия другим людям. В этой концепции не существует, какого либо естественного права, напротив, все право создается государством для поддержания общественного порядка. [84, с. 102 – 110]. Этот принцип Бентама был с готовностью воспринят буржуазией, использовавшей его против эгоизма землевладельческого класса. Однако бентамовским принципом могли

воспользоваться не только промышленники. Хотя радикализм отчасти был либеральной философией среднего класса, в том смысле, что принцип эгоизма подразумевал индивидуализм и защиту личных свобод, радикализм мог также быть демократическим, поскольку оправданием законов было счастье большинства. В бентамовской философии содержались также семена государства социального обеспечения и социализма: если рабочие обретали право голоса, то государство, действуя во имя торжества принципа наибольшего счастья и не озабоченное необходимостью соблюдать естественные права собственности, было бы вполне социалистическим.

Второй элемент – экономический, как уже упоминалось ранее, был основополагающим в создании представления об экономическом человеке и «рыночном обществе». При этом, несмотря на всё благожелательное отношение к рыночной экономике, и представление о создаваемых рыночных гармониях, представители этого направления считали, что в обществе неизбежен конфликт. В частности один из аспектов этого конфликта раскрыл Мальтус в своем «Опыте о законе народонаселения» [11]. Большое население, заявлял Мальтус, не всегда является благом. Он полагал, что темпы прироста населения значительно выше темпов прироста продовольствия, порождаемого землей. Группой, которая виновна в нищете, возникающей в результате перепроизводства людей, является трудящийся класс. Мальтус как бы говорил работникам: Отсутствие самоконтроля привело вас к тому, что ваша численность умножилась до состояния смертельной взаимной конкуренции. Следующий шаг в развитии аргументации Мальтуса сделал Рикардо. У него вина за конфликты в обществе возлагалась не на пролетариат, а на землевладельцев [84, с. 111-112]. С увеличением народонаселения должно обрабатываться все большее количество земли. Кроме того, поскольку одни земли более плодородны, чем другие, по мере роста численности населения более плодородные земли будут расти в цене. Промышленная буржуазия использовала теорию Рикардо

с целью показать, что это не она, а землевладельцы суть эгоистичные члены общества, ответственные за нищету рабочих. Однако уже этот аргумент деловых кругов содержал в себе семена введения системы социального обеспечения: если ценность земли создается обществом, то, очевидно, общество и должно владеть землей.

Третий элемент, составляющий классическую либеральную повестку в Великобритании, имел религиозные корни. Одной из опор либеральной политики был религиозный нонконформизм англичан. Личная инициатива, конкуренция и предпринимательский дух, порожденные протестантскими церквями создали благоприятную почву для принятия либеральной повестки. Но вместе с тем, стремление примерить экономический аспект либерализма, человека экономического – «*homo economicus*» и религиозные представления о «добром самаритянине» привели к развитию всеобщего гуманистического движения. По словам Джона Дьюи: «вызванное к жизни религией, активно выступавшей против рабства, против жестокого обращения в тюрьмах, против грубых и механистических методов административной благотворительности, а также, посредством фабричных законов, против нечеловеческих условий труда женщин и детей на заводах и шахтах. Движущей силой каждого из этих проявлений гуманизма было евангелическое рвение» [25, с. 40].

Для изменений либеральной повестки не хватало только подходящего климата. Примерно с 1870 г. в Англии началось формирование таких условий. Одним из наиболее важных «климатических изменений» стало изменение установок и поведения наемных работников. Многие либералы утверждали, что бедность неискоренима. Однако, поскольку индустриальная Англия процветала, убеждать бедных в том, что бедность естественна, становилось все труднее. Многие утверждали, что если «естественные законы экономики обрекают людей на бедность в условиях экономического процветания, значит, пора создать систему с другими законами» [66, с. 228].

Рабочие взяли главные элементы классического либерализма, представленные в общих чертах в предыдущей части, и довели содержащиеся в них аргументы до логического конца.

Рабочие приняли на вооружение и развили также и другие постулаты классического либерализма: власть большинства и всеобщее избирательное право, под которым понималось расширение круга лиц, имеющих право голоса. Свобода выбора рабочих мест, на которую делался больший упор, чем на свободу торговли. Свобода личности как свобода организации политических и экономических союзов наемных работников. Рабочие выступили за экономический прогресс, но под прогрессом понимали управление экономической жизнью, осуществляемое неким общечеловеческим коллективом. Проще всего этот резкий сдвиг значения слова «либеральный» можно понять, рассмотрев, как этот сдвиг происходил в творчестве Джона Стюарта Милля. Сначала Милль был убежденным последователем Бентама. Он написал «Утилитаризм» главным образом с целью защитить бентамовский «принцип наибольшего счастья» и в ходе этой защиты внес в саму доктрину поправки, чтобы сделать ее более убедительной. Тем не менее, под конец своей жизни сам Милль признавался, что даже если бы он вдруг добился всех тех перемен в институтах и взглядах, которых требовала его утилитаристская философия, он все равно не был бы счастлив.

После того как утилитаризм вызвал кризис в его мировоззрении, Милль решил отказаться от этой холодной философии радикалов: «Если меня спрашивают, какой системой политической философии я заменил ту, от которой, как от философии, отказался, я отвечаю: никакой – только убеждением, что истинная система представляет собой нечто гораздо более сложное и многостороннее, чем все то, о чем ранее я имел какое-либо представление» [66, с. 228]. И тот же Дж. Ст. Милль неожиданно заключал: «Если бы надо было делать выбор между коммунизмом со всеми его

возможностями и нынешним состоянием общества со всеми присущими ему страданиями и несправедливостью; <...> если бы пришлось выбирать между таким положением вещей и коммунизмом, то все затруднения коммунизма, большие и малые, были бы не более чем песчинкой на весах» [4].

Он отверг либеральное представление о долгосрочной гармонии интересов всех социальных классов, в том числе предпринимателей и рабочих. Как отмечал Милль: «сказать, что люди имеют одинаковые интересы – означает сказать, что для человека все равно принадлежит ли ему сумма денег или кому-то еще» [68]. В международных делах Милль отказался от либерального принципа невмешательства в иностранные войны, самым резким противником которых был Ричард Кобден, один из ярких представителей классического либерализма. Там, где Кобден опасался, что такие действия подрывают внутреннюю свободу государства, Милль предоставил интервентам то, что стало излюбленным аргументом и сегодня, - что сильная и свободная страна, такая как Британия, имеет моральное обязательство прийти на помощь народам, борющимся за свою свободу, если им угрожают внешние враги. То, что такая постоянная политика вмешательства, скорее всего, поставит под угрозу внутреннюю свободу, не является проблемой, о которой заботился Милль.

Ключевое для либерализма понятие и ценность – свобода тоже претерпело разительные изменения в концепции Милля. Согласно Миллю, свободе угрожает не только физическая агрессия со стороны государства или других институтов, или отдельных лиц, скорее, «общество» зачастую является даже более серьезной опасностью для личной свободы. Это достигается посредством «тирании преобладающего мнения и чувства» [68], склонности «навязывать отличным от гражданского наказания путем, свои собственные идеи и практики, как правила поведения для тех, кто против них», «заставить всех людей следовать своей собственной модели поведения» [68]. Истинная свобода требует «автономии», для принятия

«традиций или обычаев других людей», а не «просто заниматься подражанием, как обезьяна».

Там, где классические либералы, подобно Кобдену и Смиту, видят, как мужчины и женщины выбирают цели, поставленные для них институтами, чью власть над ними они свободно принимают, Милль видит исчезновение свободы. Милль пишет, что даже: «Индивидуальный иезуит в высшей степени унижает раба своего порядка» [68].

Его комментарий к иезуитам иллюстрирует ту грань Милля, которую слишком редко замечают – он был, по словам Мориса Коулинг, «одним из самых храбрых моралистов девятнадцатого века» [68]. Он постоянно осуждал привычки, отношения, предпочтения и моральные нормы большого количества людей, о которых он ничего не знал. Новаторский ревизионизм Коулинг был подтвержден Линдой К. Редер. В ее работе «Джон Стюарт Милль и религия человечества» (2002), Редер тщательно изучает все основные работы Милля и другие соответствующие материалы, чтобы раскрыть образец «самоотверженного эклектизма» Милля и его работу «идиомы либеральной традиции, которую он так хорошо знал» [68]. Эту картину она видит в раннем и постоянном влиянии на Милля таких философов, как Анри де Сен-Симона и Огюста Конта. Понятие прогресса, которое эти философы позитивизма привносили в социальные науки, было устойчивым шагом вперед к мирской «религии человечества», в которой все человечество инстинктивно разделилось бы. «Устремления Милля к людям были не для расцвета их уникальной индивидуальности, а для их соответствия его личным идеалам ценности и обслуживания». В конце концов, Редер делает вывод что, Милль не был «настоящим сторонником свободы» [68].

Роковая связь либерализма с состязательной позицией по отношению к принятой религии, традициям и социальным нормам принадлежит Джону Стюарту Миллу больше, чем кому-либо еще. И его позиция стала стандартом для либерализма XX в. В типичном примере Оуэн Чадвик, почетный

профессор Дикки из Церковной истории в Кембридже, пишет: «Либералом был тот, кто хотел большей свободы, то есть большей свободы от сдержанности; было ли сдерживание осуществлено полицией или законом, или социальным давлением, или ортодоксальным мнением, которую люди накладывают на свою действия. <...> Либеральная мысль о том, что людям нужно гораздо больше возможностей действовать и думать, чем им разрешали установленные законы и конвенции в европейском обществе» [68].

Стоит обратить внимание на то, что в этом заявлении не делается различия между государственным принуждением с одной стороны, и социальным давлением, ортодоксальным мнением и конвенциями – с другой. Джон Данн утверждает: «Если центральная диспозиционная ценность либералов является толерантностью, их центральная политическая ценность, возможно, является фундаментальной антипатией к авторитету в любой его форме» [68].

Взгляд Милля имеет тенденцию стирать довольно критическое для либералов XIX в. различие между: «повлечет за собой социальное неодобрение и лишение свободы» и приведет к движению либерализма против непримиримых традиционных ценностей и договоренностей, особенно религиозных. Это также способствует наступательному союзу между либерализмом и государством, даже если это противоречит намерениям Милля, поскольку трудно понять, как можно быть уверенным в искоренении традиционных норм, за исключением массового использования политической власти.

Можно согласиться с тем, что популярное значение либерала со временем кардинально изменилось. Известно, что примерно в 1900 году в англоязычных странах и в других местах этот термин был захвачен писателями, которые были по существу социал-демократами. Йозеф Шумпетер заметил, что «враги системы свободного предпринимательства заплатили ей непреднамеренный комплимент, когда они применяли имя

либеральное к своему вероисповеданию, исторически противоположное тому, за что либерализм стоял с самого начала» [67].

Обычная интерпретация для либералов XIX в., характеризует их, как сторонников *laissez-faire* – политики невмешательства. Однако в последние десятилетия XIX века британские мыслители, такие как Томас Хилл Грин и Леонард Хобхаус, а также их коллеги в США и Европе поняли, что *laissez-faire* полностью не соответствует условиям современного общества. Часто вдохновляемые Джоном Стюартом Миллем – в благодарственных словах Хобхауса: «Учение Милля приближает нас к сердцу либерализма» – таким образом, идеи Милля создали более современную форму либерализма [68].

В частности, государство, которого ранее либералы опасались как враг свободы личности, теперь рассматривалось как мощный двигатель для его жизнедеятельности.

Первое, что нужно отметить, - политическая цель семантических изменений. Это должно было облегчить путь к революционному расширению повестки дня государства. Однако критическая потребность в таком расширении была обоснована в весьма сомнительной теории, которая все еще действует. Дело в том, что «старый» либерализм *laissez-faire* стал устаревшим благодаря глубоким изменениям в обществе. Пионеры «нового либерализма» и их преемники основывали свои претензии на якобы подавляющей силе делового предприятия над потребителями и рабочими.

В посмертно опубликованной работе Джозефа Гамбургера (1999) рассматривается «темная сторона» Джона Стюарта Милля. Здесь Гамбургер, который рассказывает нам, что он долго разделял традиционную точку зрения Милля как непревзойденного сторонника свободы личности, анализирует статью «О свободе», а также его другие произведения, письма и переписку с его близкими друзьями. Его вывод заключается в том, что свобода мнений, которая поддерживалась в «О свободе» была, в значительной степени, частью великой стратегии Милля – снести религиозную веру, особенно христианство, и изменить нравы, на пути к

установлению социального порядка, основанного на «религии человечества». Истинная индивидуальность воплотится в будущем «Миллианский человек», о котором мечтали Милль и Харриет Тейлор, существо, в котором эгоизм и жадность будут заменены альтруизмом и постоянным культивированием более высоких способностей. Можно сделать вывод, что либерализм менялся. Философия, отвечавшая условиям в Англии первой половины XIX в., перестала подходить второй половине этого столетия. Как это видно на примере Дж. Ст. Милля, в ответ на новую ситуацию ведущие философы либерализма изменили свои убеждения, и семена этих перемен в новом климате дали обильные всходы. Поскольку либерализм социального обеспечения вырос из базисных элементов классического либерализма, многим казалось разумным, чтобы для описания обеих подходов использовалась одна и та же этикетка [68]. Таким образом, основу нового либерализма – «либерализма социального обеспечения» составило признание социальной роли в жизни человека, его коллективной природы и взаимной ответственности членов общества. Это привело к изменению представлений о базовых посылах классического либерализма, были пересмотрены вопросы свободы и равенства. Соответственно изменилось и представление о свободе, было отвергнуто традиционное понимание «негативной» свободы, на её место пришла свобода позитивная – «свобода для», которая обеспечивает возможности для достижения целей. Изменение в понимании значения свободы были настолько радикальными, что Хайек в своей знаменитой работе «Дорога к рабству» отказался от использования этого слова: «Я не хочу употреблять слово «свобода» для обозначения ценностей, господствующих в эту эпоху: значение его сегодня слишком размыто от частого и не всегда уместного употребления. «Терпимость» – вот, может быть, самое точное слово. Оно вполне передает смысл идеалов и ценностей, находившихся в течение этих столетий в зените и лишь недавно начавших клониться к закату, чтобы совсем исчезнуть с появлением тоталитарного государства» [39, с. 17]. Государство, которое гарантирует свободу для всех,

как безусловное право личности должно также гарантировать средства и условия для использования этого права, другими словами обеспечивать необходимый минимум социальных благ для обеспечения потребностей человека.

Здесь имеет смысл обратиться к первоисточнику, современнику трансформации некогда либеральной партии вигов в нечто иное, к работе Герберта Спенсера «Личность и государство» [31]. В этой работе 1884 года, Спенсер, будучи убежденным либералом в классическом смысле, пишет о трансформации партии вигов из либеральной организации, защищавший свободы британцев: «Под возрастающим влиянием вигов законы, запрещавшие ассоциации рабочих, были отменены так же, как и законы, ограничивавшие свободу их перехода с места на место. Упомянем также и закон, по которому диссиденты могли верить, во что хотели, не подвергаясь гражданским наказаниям, и закон, позволявший католикам исповедовать свою веру, не теряя известной доли своей свободы. Область свободы расширилась благодаря актам, запрещавшим покупать негров и держать их в рабстве. Монополия Ост-Индской Компании была уничтожена, а торговля с Востоком объявлена свободной для всех. Благодаря Биллю Реформы и Биллю Муниципальной Реформы, число граждан, не имеющих представителей, было уменьшено, так что, как с общей, так и с местной, точки зрения, масса менее страдала от принуждения со стороны немногих. Диссентеры, отколовшиеся от англиканской церкви, были избавлены от подчинения церковной форме брака, получив возможность жениться по чисто гражданскому церемониалу. Позднее явились уменьшение и отмена ограничений при покупке иностранных товаров и при пользовании иностранными судами и моряками, а еще — позднее отмена стеснительных для прессы постановлений, изданных, прежде всего для того, чтобы помешать распространению мнений. Нет никакого сомнения, что все эти изменения, были ли они сделаны либералами или нет, совершены были

сообразно с провозглашаемыми ими принципами» [31, с. 6] - таким образом, приходит к выводу автор, либералы выступают за уменьшение правительственной власти в пользу увеличения свободы действия граждан, уменьшают принудительную кооперацию в пользу добровольной – частной. Отказ партии вигов от принципов добровольной организации и сотрудничества, что отличало классический либерализм, привело «к военной организации общества». Спенсер назвал этот новый либерализм – «либерализмом социального обеспечения», и организовал «лигу защиты собственности и свободы», дабы отстоять классические принципы и право на использование термина «либерализм» в своем понимании.

Новый либерализм социального обеспечения постепенно эволюционировал и, в конце концов, стал полностью определять эпоху социального прогресса начала XX в. Например, перед Первой мировой войной при либеральных правительствах Кэмпбелл-Баннермана и Асквита произошел настоящий взрыв социальных реформ [25, с. 45]. Ко второму десятилетию XX в. переход к этому новому либерализму в Англии был завершен. Теперь это было совершенно зрелое учение. Сами либералы социального обеспечения в основном считали, что они вышли за пределы эпохи манчестерской школы. В 1924 году в Оксфорде Кейнс прочитал свою знаменитую лекцию «Конец Laissez-faire» [6], – эту работу можно назвать финалом в длительном противостоянии либералов старой и новой школы. «Фразы Laissez-faire не найти в работах Адама Смита, Рикардо или Мальтуса. Даже формулировки самой идеи в сколько-нибудь теоретической формуле у них нет» – писал Кейнс, – зато «присутствует у популизаторов и вульгаризаторов» [6]. Нет никаких сомнений в том, что на протяжении всей своей жизни Кейнс одобрял различные широкие культурные ценности, такие как терпимость и рациональность, которые часто связывают с «либерализмом», и, конечно же, он всегда называл себя либералом, а так же был сторонником британской либеральной партии. Но к тому времени, как

Кейнс начал применять этот термин, его значение уже претерпело значительные изменения. Когда его основная работа «Общая теория занятости, интереса и денег» вышла в свет, Уильям Хатт экономист и сторонник классического либерализма писал, что его больше всего поразило то, что известный экономист (Кейнс) «заставил бы нас поверить, что меркантилисты были правы и их классические (либеральные) критики (например, Адам Смит) ошибались» [70, с. 150]. Если говорить о целостностях либерализма как социальной философии, а эта доктрина характеризуется исторически отрицанием патернализма, абсолютистского государства всеобщего благоденствия, это еще более справедливо в отношении его отказа от меркантилистской составляющей абсолютизма восемнадцатого века. «Как можно писателя, который пытался реабилитировать меркантилизм, считался среди великих либеральных мыслителей» - заключает У. Хатт [70, с. 152-153].

Похожие процессы происходили и в политическом дискурсе США. Стоит отметить, что термин либерализм стал использоваться в Америке довольно поздно, первые его использования, как политического ярлыка относятся к «Эре прогрессивизма» конца XIX века. До этого, в том числе во время Американской революции, это слово использовалось исключительно, как прилагательное, в значении «свободный». Процесс становления термина «либерализм» в политическом смысле связан с эрой прогрессивизма. И именами президентов прогрессивистов Теодора Рузвельта и его доктрины Нового Национализма, Вудро Вильсона и его доктрины Новой свободы, Франклина Делано Рузвельта и его Нового курса. Именно эти доктрины дали начало концепции государства всеобщего благосостояния, в котором центральное правительство поддерживает высокий уровень занятости. При помощи программ общественных работ и других инструментов государственного стимулирования занятости, перераспределяет доходы, с целью сглаживания неравенства и создания

покупательской способности у населения, следит за стандартами медицины, труда и торговли. Борется с тратами, регулирует рыночную конкуренцию и устанавливает стандарты социального страхования, создает образовательные стандарты и борется за всеобщее распространение государственного образования. Поддерживает профсоюзы и их распространение на все сферы общества. В политическом и социальном отношении прогрессивисты стремятся к распространению всеобщего равенства, прав человека и демократии. Таким образом, общая цель прогрессистов, или либералов, как позже они начали называть себя, - это смешанная экономика, основанная на кейнсианском подходе к экономической политике, которая занимает место между чистым капитализмом и социализмом. Без дополнительного политического наполнения. Массовое использование «либерализма» как политического ярлыка, в США началось с 1932 г. Но некоторые политические издания использовали его и до этого, так на страницах журнала «Новая республика» он использовался для описания прогрессивистской политики Теодора Рузвельта. Редакторы стали использовать этот термин после отказа от слова «прогрессивизм», поскольку считали, что он связан с неудачной избирательной кампанией Прогрессивистской партии. С приходом к власти президента В. Вильсона, авторы журнала переключились на его поддержку, создавая дискурс «Либерализм против консерватизма» [25, с. 63-71].

Следующим этапом в закреплении этого дискурса стала избирательная кампания Ф. Д. Рузвельта (1933 г.). В ходе кампании Рузвельту был нужен хороший термин для описания его политики. Либерализм подходил как нельзя лучше, он не был занят ни одной из крупных политических сил США. Имел благоприятную репутацию, связанную с либеральными партиями по всей Европе, в первую очередь с Либеральной партией Великобритании, а так же решал сугубо политические цели: избавлял Рузвельта от обвинений в симпатии к социализму и коммунизму. Также позволял создать

надпартийную избирательную кампанию, обращаясь не только к демократам, но и к избирателям – республиканцам. Ассоциация его политики с термином либерализма, вместо сугубо демократической партии, позволила бы привлечь голоса республиканцев, которые голосовали за партию по привычке. Такая словесная политика позволила Рузвельту не отпугнуть республиканские голоса, и даже привлечь новых избирателей на свою сторону. К 1940 г. споры на тему использования термина «либерализм» прекратились, и он прочно укоренился с «Новым курсом» и демократической партией [71, с. 73-74].

Таким образом, начиная с 70-х годов XIX в. произошла радикальная трансформация либерального мировоззрения, к началу XX в. произошел окончательный захват интеллектуального наследия либерализма представителями нового движения либералов – социального страхования. Изменились представления о «рыночном обществе» и роли человека в политическом процессе. Именно в такой интеллектуальной атмосфере формировалось будущее либеральной мысли, его воззрения на политический процесс.

§ 2.2. Австрийская школа и поиски либеральной идентичности

После начала великой депрессии, еще сохранявшиеся симпатии к свободному рынку быстро угасали. Правительство большинства стран приняло ряд мер – от введения таможенных пошлин и других протекционистских мер, до отказа от золотого стандарта и ряда социальных программ, в виде общественных работ, которые ликвидировали политический либерализм на долгие годы. В 30-е годы мир захлестнула невиданная доселе волна тоталитаризма и отказа от принципов свободы, в СССР установился сталинский режим, и говорить об экономической свободе и либеральных ценностях в этой стране не имело смысла. В Европе набирали

силы тоталитарные режимы, нацистский режим в Германии и фашистский в Италии, а так же сходные режимы в Испании и Португалии. В англоговорящем же мире депрессия привела к мерам государственной политики вдохновлённым идеями прогрессивизма. Дж. Кейнс, в «конце laissez-faire» предрекал, что общественные симпатии к политике laissez-faire стоят на грани краха [6], но оказался не прав, в более важном и долгосрочном прогнозе, что эта политика уйдет навсегда. Весной 1933 года, почти десять лет спустя после того, как Кейнс провозгласил laissez-faire, Ф. фон Хайек прочитал иннаугурационную речь в Лондонской школе экономики [45, с. 459]. Как и Кейнс он избрал своей темой отход от классической экономической науки, но в остальном лекция Хайека совсем не походила на лекцию Кейнса. Объектом своей критики Хайек избрал не сами принципы классической экономической науки и либеральной философии, а отход от них: «в этом смысле сейчас естественно осталось очень мало людей, не являющихся социалистами» [60, с. 121]. В это время Хайек, благодаря своим работам в области теории денег и капитала, приобрел известность одного из главных публичных критиков доктрины Кейнса. В его лице Лайонел Роббинс получил надежного союзника по отстаиванию идей классического либерализма от приверженцев Кейнса из Кембридского университета. Космополитичная фигура Хайека привлекала в лондонскую школу экономики слушателей из разных концов мира. В 30-е годы его лекции и школу посещали: Рагнар Фриш, Бертель Улин из Скандинавии, Фрэнк Найт и Джейкоб Вайнер из Чикагского университета, Виллиам Риппар из Швейцарии и Фриц Махлуп, Йозеф Шумпетер из Австрии [53, с. 25-26]. Стоит отдельно отметить, что не только сам Хайек был идеологом свободного рынка, Лайонел Роббинс в своей работе «Великая депрессия» [72] 1934 г. свел свои идеи с идеями Хайека и изложил их в форме доступной широкому читателю. Стоит отметить, что ранние работы Хайека, по теории денег и капитала, по теории экономического цикла и некоторые статьи о методологии науки были весьма сложны к пониманию, написаны

очень непростым языком и имели крайне обрывистый характер. Роббинс отвергал распространённое убеждение, которого придерживался и их главный оппонент Кейнс, что виной краха являются дефекты рыночного механизма, напротив виной является государственное вмешательство в этот механизм. Он выделял ряд факторов, которые отличают ситуацию от свободно-рыночной: картелирование промышленности, рост влияния профсоюзов, размножение государственных контрольных инстанций. Он рекомендовал: восстановление международного золотого стандарта, резкое сокращение ограничений международной свободной торговли, лишение профсоюзов права препятствовать тем, кто готов работать за более низкую заработную плату, и введения правила, что убыточные компании не будут спасать от банкротства. При этом Хайек и Роббинс не считали капиталистическую систему идеальной, или даже способной быстро выйти из существующего кризиса. Вместе с тем они не разрабатывали общей политико-философской базы, а только лишь занимались анализом и критикой существующих проектов в области государственного регулирования.

Лондонская школа экономики была одним из нескольких центров защиты экономической свободы в эту эпоху, другим крупным центром идей экономической свободы Чикагский университет в США. Чикагский университет приобрел славу наибольших критиков политики «нового курса» и других социальных программ 30-х годов. Три главных защитника рынка в Чикагском университете – Фрэнк Найт, Джойком Вайнер и Генри Саймонс стремились дистанцироваться от своих более радикальных коллег в Австрии и Лондоне. Фрэнк Найт в рецензии на книгу Роббинса «Экономическое планирование и международный порядок» [53, с. 34], заявлял, что сохранение свобод потребует не только уменьшения роли государства, а напротив более активной политики в защите свобод граждан. Сходные отзывы оставили Вайнер и Саймонс. В те годы пресса представляла Вайнера как консервативного экономиста. Как отмечают журналисты, он сместился настолько далеко вправо, что оставался там, в полном одиночестве и

выступал против любого государственного вмешательства. Однако когда Вайнер высказывался о вопросах публичной политики, он решительно дистанцировался от политики *laissez-faire*, особенно решительно он высказывался за ограничение размеров американских компаний [53, с. 35]. Кроме того Вайнер был убежден, что демократия должна иметь первенство перед требованиями экономической теории: «Если общество захочет регулирования, то экономисты должны думать о том, как лучше осуществлять это регулирование, а не причитать о его явной теоретической несостоятельности» [53, с. 36].

Саймонс был наибольшим сторонником рынков из всех представителей Чикагского университета, - первый из значительных американских экономистов, который начал называть себя либертарианцем. Саймонс считал, что программа нового курса, как и любое другое вмешательство в экономику с легкостью приводит в скатыванию в тоталитаризм. При этом «Позитивная программа вместо *laissez faire*» [53, с. 38] (1934) Саймонса предусматривала возрастающий прогрессивный налог, запрет вертикальной и горизонтальной интеграции, национализацию железных дорог и коммунальных предприятий и прочие производства, где невозможно эффективно поддерживать условия конкуренции, государственное регулирование денежного обращения и банковской системы, а также обеспечение минимального уровня дохода обездоленным. Соответственно слово «положительная» относилось к государственным программам, а негативным характеризовалось программа *laissez faire*. Леонард Рид характеризовал эту книгу, как настолько коллективистскую, что ею было невозможно пользоваться, того же мнения придерживался и Уильям Бакли [52]. Значительно позже американский левый политик Райль Найдер вдохновлялся в своей борьбе с корпорациями «позитивной программой» Саймонса, хотя публично и не отдавал тому дани уважения. Кроме того, чикагцы отличались от лондонских коллег еще тем, что не видели себя как сообщество, объединённое общей идеей. Найт был крайне критично настроен по отношению к моральным основам

конкурентной экономики, программа Саймонса сочеталась с социализмом не в меньшей степени, чем с капитализмом, а Вайнер выступал против любого доктринерства [53, с. 41].

Схожие идеи отражали взгляды поколения экономистов, которое было воспитано в интеллектуальной атмосфере этатизма. Фридрих Хайек, Вильгельм Рёпке, Фриц Махлуп, Милтон Фридмен, Майкл Полани, Вальтер Ойкен и многие другие экономисты – ставшие в дальнейшем лидерами правого движения, отказались в эту эпоху от политики *laissez faire*. К середине 30-х годов была достигнута критическая масса, и участникам разрозненной сети либеральных интеллектуалов понадобилось более формальное объединение под лозунгами нового третьего пути. Важным шагом к этому стала публикация в 1937 году либерального манифеста Уолтера Липпмана «Исследование принципов хорошего общества» [62]. По словам Виллием Раппор из Института Высших Международных Исследований в Женеве: «книга представляет собой замечательную работу, и я уверен, что ее публикация станет настоящей вехой в истории нашего времени», а Г. Саймонс написал, «что считает книгу выдающимся вкладом в либеральное дело» [53, с. 55-56]. Четкая политическая позиция книги и ее широкий успех быстро изменили восприятие ученых, поэтому влияние на «Хорошее общество» Липпман с готовностью признал. Либеральные интеллектуалы, прежде обменивающиеся мнениями исключительно в узких политических кругах стали ощущать себя вовлеченными в общую политическую борьбу и участниками пусть и разрозненными возникающего движения.

Чтобы понять, какое влияние оказала эта работа на либеральные круги, стоит обратиться к биографии самого Липпмана. В годы предшествующие выходу «Хорошего общества» Липпман совсем не походил на защитника свободного рынка и принципов либерализма, благодаря своим книгам и своему сотрудничеству с журналом *New Republic*, он приобрел славу сторонника научной организации общества и интервенционистской

экономической политики. За десять лет до публикации «Хорошего общества» Липпман организовал публикацию в журнале *New Republic* работы Кейнса «Экономические последствия мира» [89, с. 306] и впоследствии сохранил с ним дружественные отношения. После некоторых колебаний он одобрил рузвельтовскую политику «нового курса», а в период избрания Рузвельта заявлял, что у того не останется выбора, «кроме как возложить на себя диктаторские полномочия» [89, с. 300]. В серии лекций в 1934 году Липпман заявлял, что его отношение к новому курсу начало меняться. Как и в прежних работах у него появился скептицизм по поводу политики *laissez faire*. «Капитализм, - говорил Липпман, - поддерживается за счет того, что он позволяет повышать уровень жизни, но всего за десятилетие повышение жизни повысили цену поддержания социального порядка с полной миски до гаража на две машины» [89, с. 97]. Такой порядок, по его мнению, – «имманентно нестабилен». Но теперь Липпман видел перед собой новую задачу, он искал новый фундамент для стабильного существования капиталистического общества. Решение этой задачи потребует поиска новых форм разумного регулирования экономики государством. К тому времени, когда вышло «Хорошее общество», Липпман еще дальше продвинулся в защите рынков. Как заявлял сам Липпман в предисловие к «Хорошему обществу» на него повлияла Австрийская школа, в частности сборник «Коллективистское экономическое планирование» [62, с. 7] Ф. Хайека (1935). Из «Хорошего общества» были удалены все упоминания о «свободном коллективизме», все категории, попадающие под определение «планирование» сопровождались негативными эпитетами. Липпман утверждал, что властная структура современного общества должна основываться не на управленческой бюрократии, а на тщательно выверенной и постоянно корректируемой системе действующего права.

В 1937 Хайек, Рёпки и Липпман начали переписку, в которой в первичной форме проступали возможные формы будущего сотрудничества. В 1938 году по поводу выхода французского издания «Хорошего общества» в

Париже, проходил Коллоквиум Липпмана. С 26 по 30 августа [45, с. 531] в Международном институте интеллектуального сотрудничества собрались приверженцы очень разного вида либерализма. Их можно было разделить, как минимум на четыре группы у каждой, из которых был свой взгляд на историю и будущее либерализма. Хотя участников Коллоквиума Липпмана называют неолибералами, точное значение этого термина оставалось неясным, с самого начала неолиберализм был смесью предубеждения, практики и морального принципа. Он не был основан на своде нерушимых законов, а представлял собой совокупность пересекающихся убеждений. Первая группа представляла собой мейнстрим зарождающегося «неолиберализма», она призывала не только к практическому, но и теоретическому компромиссу с социализмом. Вторая – маленькая группа людей, типа Хайека, которые были не удовлетворены некоторыми аспектами классического либерализма и выступали за несколько более широкое государственное вмешательство. В отличие от первой группы для них был важен вопрос личной свободы. Третья – еще небольшая группа людей, типа Александра Рюстова, которые не были готовы поддержать классический либерализм и при этом возражали против эгалитаризма его приверженцев. Они полагали, что свободное общество не способно существовать без иерархии. И четвертая группа, к которой принадлежал Людвиг фон Мизис и Жак Рюэфф [45, с. 532-533]. Наибольшая группа поддерживала три основных идеи классического либерализма Мизеса: 1) невозможность расчета при социализме, 2) конкурентное ценообразование, 3) разделение труда в условиях частной собственности [45, с. 534]. По мнению неолибералов недопустимо только прямое вмешательство в процесс ценообразования, если же государство контролирует лишь законодательную рамку, в пределах которой участники рынка вольны поступать, как им вздумается, то с точки зрения неолибералов вмешательство такого типа не может вызывать возражений. Первая задача конференции состояла в том, чтобы найти название, которое идеологические сторонники нового течения могли бы

применять к самим себе, называть себя либералами они уже не могли. На самой конференции все высказывания по поводу приставки «нео» были отрицательными, поскольку участники испытывали затруднения, как с определением либерализма, так и со значением приставки «нео». Дискуссия постоянно возвращалась к вопросу о том, какой термин предпочтительней в качестве формального обозначения: либерализм, неолиберализм, индивидуализм, *laissez faire*, левый либерализм. Рёнке опираясь на предшественников выступал за конструктивный или ревизионистский либерализм, который он так же назвал «экономическим гуманизмом» и «третьим путем» [53, с. 81].

Манифест коллоквиума отводил государству важную роль государству в пяти сферах, на которые расходовались налоговые поступления [53, с. 80-83]:

1. Национальная оборона
2. Социальное страхование
3. Социальные услуги
4. Образование
5. Научные исследования

В 1940-е Мизес писал, что с плодами плановой экономики можно ознакомиться и в США. Несбалансированные бюджеты, дефицитное финансирование, низкие процентные ставки и всевозможное регламентирование вызывали в Америке неподдельный энтузиазм, как среди интеллектуалов, так и среди избирателей. А от тех, кто осмеливался возражать, просто отмахивались, как от консерваторов и реакционеров. Но первые ростки возрождения индивидуализма, либерализма, или как его стали называть либертарианства уже начали зарождаться. Некоторые историки характеризовали эту эпоху как «полный упадок индивидуалистической, джефферсоновской мысли в Штатах», и, акцентируя внимание на США, можно сделать вывод и о проводимой политике во всем мире. Однако упадок наблюдался только в политической практике, теория, после разброда и

шатания второй мировой, уже сделала первые неуверенные шаги на длительном пути возрождения. Мыслители, которые упоминались ранее, все еще были разрознены, им все еще оставалось разыскать друг друга. В начале 1944 г. Феликс Морли, Джон Чэмберлейн и Фрэнк Ханиген основали еженедельный журнал «Human Events» [91], их целью было донести до американской общественности, что их правительство находится во власти социалистической и коммунистической идеологии. В то же время общественность впервые прислушалась к идеям двух эмигрантов из Австрии. В 1944 г. Мизес опубликовал сразу две книги «Всемогущие правительство» [14] и «Бюрократия» [13], имеющих общую цель: уничтожить веру в необходимость и целесообразность решения общественных проблем при помощи силы государства. В том же году Фридрих Август фон Хайек опубликовал прославившую его книгу «Дорога к рабству» [39]. Книга вышла в Англии в марте 44 года, в конце того насыщенного периода в 18 месяцев, в течение которого появились и широко обсуждались доклады Бевериджа (Уильям Беверидж – глава LSE, один из крупнейших практиков фабианского социализма и создателя послевоенной модели социального государства в Великобритании) о социальном страховании и смежных сервисах (1942), «белая книга» [88, с. 58] правительства по занятости и доклад Бевериджа о полной занятости (1944). «Дорогу к рабству» можно считать водоразделом между «ранним» и «поздним» Хайеком. С середины 40-х годов направление его научной деятельности меняется, изыскания в области экономической теории постепенно уступают место более общим исследованиям социально-философского плана. Чтобы противостоять тоталитаризму, как ясно осознает после «Дороги к рабству» Хайек, недостаточно ограничиться предупреждением о таящихся в нем опасностях – необходимо также отстоять жизнеспособность позитивной программы классического либерализма, показать правовую и политическую возможность осуществления идеалов свободного общества на практике. Переломный момент в судьбе классического либерализма наступил 18 марта 1944 года. В этот день в США

появилась и была встречена мгновенным оглушительным успехом «Дорога к рабству», номер журнала «Rider`s Digest» [53, с. 89], в котором был опубликован сокращенный вариант книги, разошлись миллионным тиражом. Книга собрала множество рецензий и откликов, среди которых отзыв Карла Поппера: «безусловно, одна из самых важных политических книг» [88, с. 56]. Потребовалось и несколько допечаток тиража. Хотя и в Англии книга добилась успеха, спрос на нее превысил лимитированное количество бумаги, выделенной типографии. Больше всех успеху книги был удивлен сам Хайек, ведь свою работу он в первую очередь посвящал левым интеллектуалам Великобритании и «социалистам всех стран», и не рассчитывал на популярность у широкого круга читателей в США. Успех книги можно объяснить рядом причин. Во-первых, Хайек не придумывал никаких новых аргументов, но красноречиво и убедительно обосновывал позицию, которая еще до второй мировой войны имела поддержку в Америке. Во-вторых, военные годы так ускорили рост власти федерального правительства, что он стал, заметен большому количеству людей и начал вызывать большое недоверие. В-третьих, как и другие «неолебиралы», Хайек выступал в защиту некой «золотой середины», прагматичного решения близкого американскому мышлению. В-четвертых, Хайек обладал авторитетом ученого-экономиста, известного и уважаемого в Великобритании [45, с. 604]. Издатели организовали для Хайека лекционное турне по нескольким крупным американским городам. Ранней весной 1945 года Хайек отправился в медленное путешествие через Атлантику военного времени. Это была его первая поездка в США за 20 лет. Спустя несколько недель, 3 апреля, Хайек прибыл в Нью-Йорк, где должен был начаться лекционный тур «Дорога к рабству», при этом Хайек обнаружил, что его известность, благодаря книге, невероятно выросла. Внезапная популярность заставила чикагских издателей полностью изменить программу визита Хайека, о чем его не уведомили. Издатели запланировали серию публичных лекций в 11 штатах, а началом должно было послужить радиообращение Хайека к огромной толпе в три

тысячи человек в Нью-Йорке [53, с. 87-88]. Хайек к такому повороту событий был не готов, будучи австрийцем, он не вполне свободно владел английским языком, и в его речи ощущался сильный немецкий акцент. Кроме того, Хайек обладал сдержанными манерами венского аристократа, отмечалась его «чисто академическая манера речи и поведения» [53, с. 86]. Учитывая такую популярность и широкое распространение «Дорога к рабству» очень быстро зажила своей жизнью, и эту книгу стало очень сложно контролировать. Хайек часто замечал, что его мысли, не всегда совпадают с интерпретацией, которую дают им читатели. В частности, Хайека тревожила склонность наиболее правых его читателей игнорировать все его предостережения и оговорки и воспринимать книгу, как призыв вернуться к политике *Laissez-faire*. Риторический акцент книги опирался на критику централизованного планирования, и как казалось, отвергал возможность третьего пути: «и конкуренция, и планирование теряют свою силу, если их используют в урезанном виде» [39, с. 44]. Столь безапелляционные высказывания приводили значительную часть читателей к мнению, что государство должно воздержаться от любого вмешательства. Большинство из тех, кто, таким образом, воспринимал работу, имели в своем распоряжении версию, сильно отличавшуюся от оригинального текста Хайека. Опубликованный в «*Rider's Digest*» сокращенный вариант, который разошелся миллионным тиражом, представлял собой скорее вольный пересказ, чем сокращение. Его авторами считаются Макс Истмен и Дьюитт Уоллес, обоим текст привлек по идеологическим причинам. М. Истмен недавно отошел от социализма и стал одним из самых активных критиков Сталинской России, а Уоллес был убежденным антикоммунистом [53, с. 89]. В их переработке язык Хайека стал более простым и энергичным, были прикомпонованы выводы и добавлены новые соединительные предложения, чтобы сделать разьединённые фрагменты похожими на целый текст. В результате многие уточнения и оговорки исчезли. Консервативные политики, журналисты и бизнесмены быстро распознали в журнальной версии полезное

подспорье для того чтобы обратить новый курс вспять. «Digest» в своей аннотации отметил, что это «одна из самых важных и значимых публикаций за последние годы», и выпустил адаптацию в виде репринта, заказы на которую составляли многие миллионы и приходили от ведущих корпораций, среди которых General Motors, New Jersey Power and Light. А журнал Look выпустил иллюстрированную версию [53, с. 89-90]. В результате такого интерпретирования работы и ее распространения Хайек получил репутацию защитника политики Laissez-faire, а его работа превратилась в партийный инструмент противников государства. Хайека называли: «глашатаем старой манчестерской школы Кобдена и Брайта, и Спенсером в современном одеянии». С другой стороны сторонники нового курса характеризовали его, как крайнего реакционера, пренебрежительно относящегося «к простому человеку», и «не разбирающемуся в политологии, с примитивными представлениями об экономике» [53, с. 88]. С точки зрения непримиримых борцов за свободу, неолиберализм Хайека был, конечно, слишком мягок по отношению к правительству, позитивная программа, предложенная в «Дороге к рабству» оставляла контроль над экономической жизнью в руках правительства, экономика оставалась плановой, а государство продолжало заниматься планированием. Хайек всего лишь предлагал, чтобы это планирование касалось конкуренции, а не контролировало бы каждое движение участников рынка. С либерального фланга критический отзыв оставил даже Л. Мизес, учитель и друг Хайека, он считал, что Хайек недостаточно четко изложил свои доводы. Хотя и был рад успеху книги. Таким образом, в результате роста своей популярности Хайек приобрел звание главного защитника свободного рынка от немногочисленных приверженцев классического либерализма в Америке, а с другой стороны – звание главного реакционера, со стороны сторонников нового курса и современного либерализма, эта его характеристика продолжала преследовать его всю жизнь.

Отношение Хайека к опасностям коллективистского централизованного планирования, которое он отождествлял с социализмом, сложилось на основе анализа человеческой мысли и свободы. «Мы последовательно отказались от экономической свободы, без которой свобода личная и политическая в прошлом никогда не существовала, - писал Хайек, - мы демонстрируем удивительную готовность расстаться не только со взглядами Кобдена и Брайта, Адама Смита и Юма, или даже Локка и Милтона, но и с фундаментальными ценностями нашей цивилизации восходящими к античности и к христианству. Вместе с либерализмом XVIII–XIX вв. мы отменяем принципы индивидуализма, унаследованные от Эразма и Монтеня, Цицерона и Тацита, Перикла и Фукидида» [39, с. 15-16]. Таким образом, Хайек связал воедино западную цивилизацию с иудео-христианской традицией: «индивидуализм, уходящий корнями в христианство и античную философию, впервые получил полное выражение в период Ренессанса и положил начало той целостности, которую мы называем теперь западной цивилизацией» [39, с. 16]. Большое внимание Хайек уделял вопросу языка, семантики слов: «Я не хочу употреблять слово «свобода» для обозначения ценностей, господствующих в эту эпоху: значение его сегодня слишком размыто от частого и не всегда уместного употребления. «Терпимость» — вот, может быть, самое точное слово. Оно вполне передает смысл идеалов и ценностей, находившихся в течение этих столетий в зените и лишь недавно начавших клониться к закату, чтобы совсем исчезнуть с появлением тоталитарного государства» [39, с. 16]. «Чтобы усыпить эти подозрения и продемонстрировать причастность к сильнейшему из политических мотивов – жажде свободы, – социалисты начали все чаще использовать лозунг «новой свободы» [39, с. 17]. Наступление социализма стали толковать как скачок из царства необходимости в царство свободы. Оно должно принести «экономическую свободу», без которой уже завоеванная политическая свобода «ничего не стоит». Только социализм способен довести до конца многовековую борьбу за свободу, в которой обретение политической

свободы является лишь первым шагом. Следует обратить особое внимание на едва заметный сдвиг в значении слова «свобода», который понадобился, чтобы рассуждения звучали убедительно. Для великих апостолов политической свободы слово это означало свободу человека от насилия и произвола других людей, избавление от пут, не оставляющих индивиду никакого выбора, принуждающих его повиноваться власти имущим. Новая же обещанная свобода – это свобода от необходимости, избавление от пут обстоятельств, которые, безусловно, ограничивают возможность выбора для каждого из нас, хотя для одних – в большей степени, для других – в меньшей. Чтобы человек стал по-настоящему свободным, надо победить «деспотизм физической необходимости», ослабить «оковы экономической системы»». Примечательно, что наиболее явным апологетом этого смещения является ведущий американский философ левого крыла Джон Дьюи. «Свобода, – пишет он, – есть реальная власть делать определенные вещи». Поэтому «требование свободы – это требование власти» [39, с. 29]. Отвергая активное вмешательство государства и централизованное планирование, Ф. Хайек хотел ограничить роль государства тщательно выверенными рамками, особое значение он придавал верховенству правовых норм обеспечивающих эффективную деятельность рынков и сохранение индивидуальной свободы. Верховенство права гарантирует базовую негативную свободу, и это должно быть основной функцией государства, наряду с обороной и защитой граждан. Негативная свобода – это максимум того, что может быть обеспечено государством с помощью верховенства права и надзором за порядком конкуренции. Попытка же сконструировать позитивную свободу влечет за собой угрозу порабощения. Под этим также подразумевалось принципиальное признание неравенства, явления неизбежного. У разных людей – разные способности, которые по разному оцениваются на рынке, такое неравенство результатов – положительное обстоятельство, поскольку согласно Хайеку: «все люди, как минимум имеют равный доступ на рынок». Неравенство не имеет значения, поскольку имеет место социальная

мобильность: «формальное равенство перед законом несовместимо с любыми действиями правительства, нацеленными на обеспечение материального равенства различных людей, и всякий политический курс, основанный на идее справедливого распределения, однозначно ведет к разрушению правозаконности. Ведь чтобы политика давала одинаковые результаты применительно к разным людям, с ними надо обходиться по-разному» [39, с. 82]. Для Хайека демократия – вовсе не источник власти, а её ограничение является надежным средством от произвола, институт выборов подразумевал, что общество может не только предоставлять властные полномочия, но и отбирать их. Хайек отвергает убеждение, что планирование и регулирование экономики ничем особым не грозят, поскольку затрагивают исключительно экономическую сферу. С точки зрения Хайека, экономика неотделима от других областей социальной и политической жизни. Именно экономическая свобода создает все остальные.

При всем этом Хайек пытался найти альтернативу расплывчатой концепции *Laissez-faire*. По мнению Хайека несогласие с социалистическим и коллективистским планированием не следует путать с догматической приверженностью принципу *laissez-faire*. Государство необходимо для того, чтобы гарантировать условия свободной конкуренции. Тем не менее, Хайек считал, что преимущества конкуренции можно дополнить определенными правилами и ограничениями, например, в области охраны здоровья и безопасности, и даже такими мерами, которые приводят к конкретным социальным последствиям. Он считал, что государство должно регулировать денежную систему, не допускать возникновения частных монополий и осуществлять контроль над естественными монополиями. По мнению Хайека, в принципе, можно придумать оправдания для политики Нового курса и для реформы здравоохранения Ная Бивена.

Таким образом, можно заключить, что обозначенный исторический период начался процесс возрождения принципов классического либерализма. Работы Хайека, Роббинс, Липпмана стали привлекать широкое общественное

внимание. А сторонники либеральной идеологии стали устанавливать первые контакты между собой. Это проходило в Лондонской Школе Экономике, вокруг Хайека, а позднее, в Париже вокруг фигуры Липпмана. Необходимо отметить, что на этом этапе идеология классического либерализма еще не приобрела новый вид, проходили только попытки создания новой жизнеспособной идеи способной объединить интеллектуалов, и привлекательной для широких кругом избирателей. На данном этапе работы либеральных авторов несли преимущественно «оборонительный» характер. Это было вынужденной стратегией в условиях господства социалистической и прогрессивистской идеологии.

ГЛАВА 3. ВОЗРОЖДЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

§ 3.1. Возрождение идей классического либерализма

В 1944 году Ф. Хайек выпустил свою знаменитую работу «Дорога к рабству». Никакая другая работа Хайека не встретила такого восторженного приема. Книга обрела американских почитателей, в числе которых был и Леонард Рид, основатель исследовательской - экономической организации «Фонд экономического образования» [45, с. 609]. Их привлекало критическое отношение Хайека к «либералам» и «консерваторам-коллективистам». Это помогло Хайеку реализовать его планы по созданию трансатлантической группы для защиты «свободного общества». По мнению историка Макса Хартуэлла, который сам был членом Общества Мон-Пелерен, решение Хайека создать это общество выросло из убеждения, что западной цивилизации угрожают коллективистские тенденции, очерченные в «Дороге к рабству». Хайек считал, что его идеи и им подобные следует подкрепить организацией группы единомышленников, которые объединятся перед лицом господствующих в научных кругах оппонентов – сторонников планирования, социализма и государственного вмешательства. Другим мотивом было опасение нового наступления тоталитаризма, уже заметного в продвижении сталинской России в Восточной и Центральной Европе. В «Дороге к рабству» Хайек не критиковал советский коммунизм открыто, поскольку Россия тогда еще была союзницей Англии и США в борьбе с Гитлером. Теперь главным предметом тревоги Хайека и его единомышленников становилась коммунистическая угроза.

Как считает историк Макс Хартуэлл, который сам состоял в «обществе», основой Общества Мон-Пелерен на первом этапе послужили пять групп: четыре в Европе и одна в Америке. Первую группу составляли те, кто находился в Англии, в Лондонской школе экономики и в Манчестере.

Помимо Хайека в нее входили Лайонел Роббинс, Эдвин Кеннан, Арнольд Плант, Уильям Хатт, Рональд Коуз, Карл Поппер, Джон Джукс, Т. С. Эштон, Сесили Веджвуд и Майкл Полани. Эта группа представлена преимущественно экономистами, но в ней были также историки, философы и журналисты. Вторую группу составляли австрийцы в США, бежавшие от нацистов: Готфрид Хаберлер (с середины 1930 -х годов преподавал в Гарварде), Фриц Махлуп (сначала преподавал в университете Буффало, затем в университете Джона Хопкинса в Балтиморе, а потом в Принстоне, где оставался вплоть до своей смерти в 1983 г.) и Людвиг фон Мизес (в то время преподавал в Нью-Йоркском университете). Третья группа, сосредоточенная в Париже, сформировалась вокруг Коллоквиума Липпмана 38-го г. В нее входили французские либеральные социологи, экономисты и философы, в том числе Луи Ружье, Раймон Арон, Жак Рюэфф, М. Буржуа и Э. Манту. В четвертую группу входили преимущественно те, кто оставался в гитлеровской Германии: ученые из Фрайбургской школы и Мюнхена, известные как Группа «ордолибералов», которая в 20 – 30-е годы продвигала идею социального рынка. К ней относились будущий канцлер Германии Людвиг Эрхард, А. Вебер, Вальтер Ойкен, Вильгельм Рёпке и Франц Бём. Последнюю группу составляли американцы, главным образом из Чикагского университета: Фрэнк Найт, Милтон Фридмен, Джордж Стиглиц, Аарон Директор и Генри Саймонс [59, с. 18-19].

Хайек хотел видеть состав организации достаточно представительным, чтобы обеспечить широкую заинтересованность в ее деятельности и создать площадку для дискуссий. В ходе консультаций перед первым собранием, которое состоялось в швейцарском местечке Мон-Пелерен в 1947 г., проявились некоторые расхождения во мнениях. Условием членства была названа, никак более не уточненная, готовность бороться за защиту свободы; такая формулировка, естественно, допускала разные толкования. Поппер считал необходимым «достижение мира и взаимного доверия в гуманистическом лагере, учитывая, что большинство социалистов

принадлежат к этому лагерю» [88, с. 75]. Другие с этим не соглашались. Мизес, например, написал Хайеку из Нью-Йорка в конце 1946 г. относительно планов на первое собрание общества, что не стоит приглашать слишком много людей, симпатизирующих социализму: «Причина этого прискорбного провала (защиты свободы от тоталитаризма) заключается в том, что основатели этих движений (либеральных и социал-демократических реформистов) так и не смогли внутренне дистанцироваться от идеологии врагов свободы. Они не поняли, что свобода неразрывно связана с рыночной экономикой. Они, в общем и целом, приняли критическую часть социалистических программ. Они привержены принципу среднего пути, интервенционизму» [88, с. 75]. С точки зрения Мизеса, такие взгляды были опасны. Общество не должно принимать подобные идеи; оно должно с ними бороться. Самая главная опасность, считал Мизес, это «размывание» четкой рыночной платформы: «Слабый пункт плана профессора Хайека состоит в том, что он предполагает сотрудничество со многими из тех, кто известен своей приверженностью к интервенционизму. По этому вопросу нужно занять совершенно четкую позицию до того, как все в первый раз соберутся. Как я себе это представляю, не дело на первом же заседании опять обсуждать, от указов государства или от диктата профсоюзов зависит повышение уровня жизни масс. Если кто-то хочет поднять подобные вопросы, ему нет необходимости затруднять себя поездкой в Мон-Пелерен. Он может с полным удобством обсудить их в своем ближайшем окружении» [88, с. 75].

Но поначалу мысли Хайека занимала организация интеллектуалов. Как мы видели, он был убежден в важности битвы идей. В 1949 г., после успеха «Дороги к рабству» и основания Общества Мон Пелерен, Хайек выпустил важную статью, в которой изложил доводы в пользу создания трансатлантического сообщества защитников индивидуальной свободы и свободного рынка, которое могло бы противодействовать влиянию левых идей. Во всех демократических странах, считал Хайек «а в США даже

больше, чем где бы то ни было, существует прочное убеждение, что влияние интеллектуалов на политику ничтожно. Это без сомнения так, если говорить о возможности интеллектуалов навязывать свое, отличное от массового, мнение при принятии текущих решений. Но на длительных промежутках времени они никогда не были более влиятельны в этих странах, чем сегодня. Источником их власти является влияние на формирование общественного мнения» [88, с. 78]. Хайек был глубоко впечатлен тем влиянием, которое английское Фабианское общество оказало на формирование социальной политики в Англии посредством своих книг, Лондонской школы экономики и внедрением образованной элиты государственных служащих в правительственные учреждения и общественные организации. Как он писал Попперу, движение, всерьез воспринимающее успех фабианцев, должно строиться все же не по планам «либерального интернационала»: «Поэтому наше дело отличается от любой политической задачи тем, что по сути своей должно быть долгосрочным проектом, нацеленным не на то, что можно осуществить немедленно, а на идеи, которые необходимо возродить, если мы хотим предотвратить опасности, в данный момент угрожающие индивидуальной свободе» [88, с. 78]. Это и было главным мотивом Хайека при организации Общества Мон-Пелерен. Он считал, что победа в интеллектуальной борьбе приведет в долгосрочной перспективе (но не раньше) и к политическому успеху. Хайек утверждал, что новые идеи внедряются в господствующее общественно-политическое течение благодаря влиянию интеллектуалов, которых он называл «торговцами подержанными идеями». Хайек считал, что мировоззрение этого класса интеллектуалов отличалось откровенно «либеральным», социалистическим или прогрессистским уклоном. Предрасположенность интеллектуалов к идеям интервенционизма повышала их общественный статус, пока эти идеи пользовались широкой популярностью, и наоборот. Эта конформистская культура создала своего рода порочный круг взаимозависимости, что крайне негативно сказалось на разнообразии интеллектуальных позиций и остроте

общественного внимания, необходимых для результативных дискуссий: «Для нашей проблемы особенно важно то, что каждый ученый может назвать хотя бы несколько примеров из своей области, когда люди незаслуженно получают репутацию крупного ученого, потому что, по мнению интеллектуалов, придерживаются «прогрессивных» политических взглядов. Но я еще ни разу не сталкивался со случаем, когда ложная репутация была бы заслужена благодаря консервативной политической ориентации ученого» [88, с. 79]. Согласно Хайеку, специалистов экспертов слишком часто оценивают по их политическим симпатиям, а не по достижениям на собственном научном поприще. Эти достижения, заслуженная благодаря им репутация в определенной профессиональной области значат меньше, чем приверженность «модным общим идеям». Своей общественной и политической деятельностью интеллектуалы помогают пропагандировать эти общие идеи. Специальное знание выводится за рамки общественного обсуждения, поскольку оно уже адаптировано и отфильтровано для публики интеллектуалами социалистического и коллективистского толка. В результате общественное обсуждение превращается в пережевывание тем, которые считаются важными потому, что были предложены и неоднократно повторены интеллектуалами: «Можно без преувеличения утверждать, что как только самая активная часть интеллектуалов принимает некоторый набор убеждений, их дальнейшее распространение в обществе становится почти автоматическим и неостановимым. Они служат органами, которые нужны современному обществу для распространения знаний и Идей, а их мнения и убеждения являются тем фильтром, через который должны пройти все новые концепции, чтобы дойти до широкой публики» [88, с. 79-80]. Защитники индивидуальной свободы и рынка, считал Хайек, должны противодействовать этой тенденции и оказывать долговременное влияние на идейный климат. Тем самым законодательство, политические курсы и политическая борьба в будущем примут более адекватный вид, соответствующий правильному взгляду на свободное общество. Статья

Хайека произвела большое впечатление на тех, кто окружал его в то время. Но это был довольно странный манифест, потому что он декларировал утопическую мечту, именно такую иллюзию, за которую Хайек упрекал самих социалистов. Кроме того, английский Хайека, второй его язык, оставлял желать лучшего. В частности, Леонард Рид, считал, что ее содержание затуманено не совсем внятным стилем Хайека: «Правильному восприятию статьи, как мне кажется, несколько препятствует стиль изложения. В ней слишком много мест, где то, что Вы хотели сказать, не вполне ясно именно по причине фразеологических особенностей выражения смысла. Но статья слишком важна, чтобы быть доступной пониманию лишь тех, кто способен с помощью значительных мыслительных усилий дедуцировать Ваши блестящие соображения» [88, с. 81]. В социалистических симпатиях интеллектуалов Хайек видел умственную леность, угрожающую самим основам свободы. Его послание заключало в себе такой заряд энергии, что стилистические недочеты не имели никакого значения. Именно этот почти мессианский пыл, который почувствовали неолиберальные и симпатизировавшие Хайеку читатели, и сделал статью важным стратегическим заявлением. Стоит особенно акцентировать внимание на заключение Ф. Хайека, поскольку оно лежит в основе трансатлантического либерального, которое начало формироваться после 1945 г.: «Означает ли это, что свободу начинают ценить, только утратив ее, что весь мир должен пройти через мрак социалистического тоталитаризма, чтобы стремление к свободе опять окрепло? Может быть, и так, но я надеюсь, что это необязательно так. Эта тенденция будет сохраняться до тех пор, пока те, кто направляет и формирует общественное мнение, будут симпатизировать идеалам социализма. Чтобы избежать этого, нам следует предложить новую программу либерализма, программу, взывающую к воображению. Нужно внести в работу созидания свободного общества дух интеллектуального приключения и отваги. Нам нужна либеральная утопия, нужна программа, которая не будет ни простой апологией сложившегося порядка вещей, ни

разновидностью социалистического безумства; нужен истинно либеральный радикализм, который не пощадит чувствительность властей предрержащих (в том числе профсоюзов), не будет чрезмерно практичным и не ограничит свои задачи только политически реализуемым. Нам нужны интеллектуальные лидеры, способные устоять против искушения властью и влияния, готовые трудиться для воплощения идеала при малых шансах на быстрый успех. Нужны люди, приверженные принципам, готовые сражаться за их полную реализацию даже в отдаленном будущем. Практические компромиссы они должны будут предоставить политикам. Свободная торговля и свобода возможностей это идеалы, которые все еще способны воспламенить воображение многих, но лозунги «умеренной свободы торговли» и «ослабления контроля» не могут претендовать ни на интеллектуальное достоинство, ни на ответный энтузиазм. Успех социалистов должен научить нас тому, что именно их отважный утопизм обеспечил им поддержку интеллектуалов и влияние на общественное мнение, которое ежедневно делает возможным то, что еще вчера казалось недостижимым. Те, кто ограничивал себя только практически возможным (при данном состоянии общественного мнения), постоянно обнаруживали, что их усилия делаются политически нереализуемыми из-за изменения общественного мнения, которое они и не пытались направлять. Если мы не сумеем еще раз сделать философское обоснование свободного общества животрепещущим вопросом интеллектуальной жизни, если не сумеем привлечь к этому наши лучшие и самые энергичные умы, перспективы свободы безрадостны. Но битва еще не проиграна, если мы сумеем возродить ту веру во власть идей, которая отличала либерализм в его лучшие дни. Интеллектуальное возрождение либерализма уже началось во многих частях мира. Придёт ли оно вовремя» [88, с. 81-82]

Как показали события последующих десятилетий, это было еще не поздно. Но понадобилось целое поколение, чтобы предложенная Хайеком стратегия идеологической чистоты принесла плоды. До какой-то степени

чисто идеологические элементы программы Хайека нашли воплощение в Англии и США после 1980 г. Свободный рынок стал организационным принципом для микроэкономических реформ, особенно в форме приватизации государственных активов, национализированных промышленных отраслей, государственных предприятий и коммунальных служб. Профсоюзы были усмирены, и их влияние сошло на нет. Валютный контроль был отменен, а финансовые рынки последовательно дерегулированы. Рыночные механизмы стали моделью для организации здравоохранения. Разумеется, институты социального государства, прогрессивное налогообложение и всеобщее государственное образование сохранились, но даже и в этих сферах к концу XX в. государственное финансирование и государственная поддержка заметно снизились. Трудно представить другую «утопию», которая нашла столь полное воплощение. Чистота, за которую ратовал Хайек воспринималась не как абстрактный план, а как оптимистическая идеологическая и интеллектуальная тактика.

Ранней весной 1947 г., во вторник утром, Хайек собрал группу из 39 коллег в отеле близ Веве, Швейцария, у подножья горы Мон Пелерен. Зал был наполнен журналистами, бизнесменами и учеными со всего атлантического мира; многие из них знали друг друга если не лично, то по работам и рецензиям. Некоторые проделали долгий путь, в том числе несколько американцев, никогда раньше не бывавших за границей [53, с. 103].

Когда все собрались, Хайек во вступительной речи обрисовал общую задачу. Эта встреча, подчеркнул он, предоставляет уникальную возможность. После долгой изоляции, во время которой участники были «вынуждены постоянно защищать ключевые элементы своих убеждений», они теперь в кругу людей, «согласных друг с другом по фундаментальным вопросам» [53, с. 103]. Продолжительная дискуссия с коллегами-единомышленниками позволит провести всестороннюю переоценку либерализма, которая была обещана в «Хорошем обществе» [62] и в «Дороге к рабству» [39], но в этих

книгах не предложена. Хайек предупредил, что задача будет сложной, поскольку потребуется «очистить традиционную либеральную теорию от некоторых случайных наносов, которые со временем налипли на нее, <...> и решить некоторые реальные проблемы, от которых уваливал упрощенный либерализм» [53, с. 103]. Любой защитник капитализма, сводящий его достоинства к чисто материальной сфере или абсолютизирующий экономические соображения, непременно проиграет суд общественного мнения. Поэтому необходимо отказаться от сухого рационализма ради интеллектуального смирения и тем самым устранить «разрыв между истинно либеральными и религиозными убеждениями», который все еще препятствует «возрождению сил либерализма». Относительная изоляция консервативных интеллектуалов на волне Великой депрессии создала исключительно нестабильную идеологическую обстановку, в которой сторонники рынка были готовы признать ограниченность. Хайек не собирался выступать арбитром в споре двух устоявшихся идеологий, он хотел создать новую.

Следующие десять дней прошли в обсуждении предложенных тем, которое прерывалось на незатейливые трапезы и экскурсии по окрестностям. Как часто бывает на подобных мероприятиях, неформальное общение оказалось, возможно, более важным, чем сами заседания. В этом общении нашла отражение непростая комбинация различия и сходства. Участники встречи имели совместную позицию по ряду ключевых вопросов, во многих случаях работали в похожих организациях и имели личные связи с Хайеком, но представляли широкую трансатлантическую среду, включавшую Англию, Германию, Данию, Италию, Норвегию, США, Францию, Швейцарию и Швецию. Если не считать английского историка Веронику Веджвуд, состав собрания был исключительно мужским [59, с. 104]. Профессиональная деятельность его участников была самой разной: популярная журналистика, экономическая теория, социальная философия, менеджмент, продвижение идеологии. Принадлежность к разным нациям и профессиям способствовала

установлению многих новых связей, а сравнительно небольшая численность группы облегчала налаживание такой системы общения. В ходе конференции спонсоры устанавливали контакты с будущими получателями грантов, журналисты беседовали с потенциальными авторами новых идей, ученые находили точки соприкосновения обособленных направлений исследования. Результаты этого взаимодействия давали о себе знать еще долго после того, как участники конференции разъехались из Мон-Пелерен.

Пожалуй, самой важной задачей конференции стала разработка программного документа с изложением главной цели новой организации. Решая ее, участники встречи получали возможность сформулировать специфику «нового» либерализма (ради чего Хайек их и созвал) и ту общую платформу, которая объединяла их не во всем совпадавшие взгляды. Первый вариант программного заявления был подготовлен комитетом из пяти человек. Они старались использовать такие формулировки, которые, по выражению одного из них, «были в такой мере широкими, чтобы все же передавать смысл, и в такой мере, неконкретными, чтобы не разделять нас» [53, с. 105]. Члены комитета наметили сводку основных положений: констатировали социалистическую угрозу, подчеркнули достоинства конкурентного рынка и провели связи между экономическими свободами и «интеллектуальной свободой», которую хотят искоренить сторонники тоталитаризма. Вторя вступительной речи Хайека, они также выделили, наряду с важностью свободного обмена товарами и идеями, необходимость «общепризнанного морального кодекса», руководящего «коллективным действием не в меньшей мере, чем индивидуальным» [53, с. 105]. Но даже в такой широкой начальной форме программное заявление вызвало разногласия среди участников. Они вступили в дискуссию по поводу того, чрезмерно ли или, недостаточно выделена важность частной собственности, следует ли конкретизировать или, вообще убрать понятие «морального кодекса», в достаточной ли мере использован обращенный к будущему язык прогрессивизма. По мнению некоторых, эти затруднения могли означать, что

у членов общества, в конечном счете, не так уж много общего. Если группа не сумела достичь согласия «по самой основной идейной повестке, заметил Джордж Стиглиц, тогда, может быть, вообще нет смысла создавать общество» [53, с. 105]. Стоит акцентировать внимание на, мало совместимые вещи интеллектуальную свободу и непререкаемые абсолюты, атомарность рынка и коллективную мораль, программное заявление лишь показывает нам всю неоднозначность программы общества.

Стремясь преодолеть разногласия, на следующий день после завтрака Хайек попросил Лайонела Роббинса составить новый вариант заявления. Версия Роббинса, которую группа быстро одобрила, определяла задачу общества в первую очередь как противодействие тенденциям, безусловно, опасным с точки зрения всех участников. К числу таких тенденций относились наметившиеся во всем мире «упадок веры в частную собственность и рыночную конкуренцию», отказ от «абсолютных моральных стандартов» и сомнение в «желательности верховенства права». Объединившись в противодействии, члены будущего общества оказались перед настоящей необходимостью вскрыть «главнейшие моральные и экономические причины текущего кризиса» [53, с. 105]. Исходную позицию составляли базовые положения, с которыми все были согласны: неприятие тоталитаризма, защита рыночного механизма, связи между экономической и интеллектуальной свободой и признание важности моральных абсолютов. Собрания общества должны быть посвящены задаче «новой формулировки действенных идеалов», способных стать оплотом капиталистического порядка перед социалистической агрессией последних лет. Однако содержание этих идеалов уже вызвало сильные разногласия. Члены Общества Мон-Пелерен были единодушны по поводу враждебной им социальной философии и тех вопросов, которые они стремились решить, структура положительной альтернативы пока оставалась неясной.

В результате отсутствия ясности они посвятили много времени обсуждению своих идеологических оппонентов, собравших их воедино.

Однако к тому моменту, когда состоялось первое собрание общества, коллеги Хайека уже без всяких колебаний называли главным источником опасности Советский Союз.

Большинство членов общества считали себя защитниками теоретического многообразия и выступали против коммунистов и сторонников планирования, которые предлагали обманчиво простые рецепты излечения социальных недугов того времени. Эту точку зрения наиболее ярко выразил французский социолог и политолог Раймон Арон. Единственное записанное выступление перед обществом он посвятил критике той готовности, с которой интеллектуалы огульно осуждают капитализм, не задаваясь вопросом, действительно ли он порождает перечисляемые ими проблемы. Этот поверхностный подход, утверждал Арон, способствовал укреплению ложного убеждения, будто главные проблемы человеческой истории можно решать с помощью революций [53, с. 108]. Первые члены общества считали, что защищать рынок их побуждает не безоглядная приверженность абстрактным идеалам, а скептическое отношение к ним.

Они быстро дистанцировали свою позицию от реакционного мировоззрения и приняли для себя ориентированную в будущее терминологию прогрессизма. Фрэнк Найт, сам перешагнувший границы между либеральными убеждениями и откровенно «радикальным» мировоззрением, настоятельно советовал основателям общества связать защиту рынка поддержкой религиозной терпимости и общих принципов гуманизма. Но, пожалуй, самым решительным адвокатом прогрессистской терминологии выступил Милтон Фридман. Фридман считал, что необходимо притупить порой чрезмерно острые грани ценового механизма и сместить акценты прорыночной риторики с критики враждебной этики на разъяснение того, какие блага рынок способен принести всем.

Центральная задача, которую поставили себе члены общества, заключалась, согласно программному заявлению, в «утверждении

обоснованных идеалов» [53, с. 109]. Любая попытка создать убедительную альтернативу коммунистическому мировоззрению, укрепить противоположную интеллектуальную традицию или использовать фразеологию прогрессивизма требовала возобновить исследования философских оснований капитализма. Если это не индивидуализм, лишённый всякого чувства раскаяния, то какой тогда социальный идеал способен наилучшим образом обосновать и выразить социальную теорию, которую они стремились отстоять? Как представить защиту рынка в виде органической части целостного мировоззрения, которое их соотечественники предположительно смогли бы принять? Чтобы ответить на эти вопросы, членам Общества Мон-Пелерен нужно было заново изобрести или, по меньшей мере, заново сформулировать моральные принципы капитализма. Им предстояло создать убедительную картину этических оснований рыночного миропорядка. Однако, самые первые члены Общества Мон-Пелерен стремились добиться хоть какого-нибудь консенсуса по проблемам, вставшим перед ними при реализации задуманного проекта. И хотя они достигли некоторого единства по вопросу ценового механизма, члены общества постепенно осознали, что эта общая позиция основывалась на глубоко несходных мировоззрениях.

Фрэнк Найт развил это соображение в классической работе «Этика и конкуренция» [20] (1923); он подчеркнул резкое расхождение между ценностными стандартами, заключёнными в этических нормах, и товарными ценами. Такое расхождение последовательно разрушает этические традиции рыночных обществ и становится только острее по мере того, как регулирование конкуренции ослабевает. Ничем не ограниченный индивидуализм, писал он, «по всей вероятности, скорее приведет к последовательному снижению стандартов, чем к их повышению», а удовлетворение любых запросов общества, как правило, означает «порчу общественного вкуса» [20, с. 57-58]. Члены Общества Мон-Пелерен начального периода обращали внимание на деградацию, которую рынок

вызывает в более широкой культурной среде рыночных обществ. Французский журналист Бернард де Жувенель постоянно отмечал, что эта проблема не находит точного отражения в дискуссиях общества. В 1950 г. он со всей прямотой написал Хайеку, что «когда капитализм торжествует, то наступает, в моем понимании, упадок культуры» [53, с. 114]. Хайек признал справедливость опасений Жувенеля, но, в свою очередь, обратил его внимание на культурные преимущества капитализма: «Разумеется, я согласен с тем, что капитализм не всегда благоприятен для культуры, но он делает возможным определенный культурный рост, который, яснее всего, не был бы возможен при социализме», - писал он, подчеркивая способность капитализма укреплять «рост традиции как безличной, не направляемой централизованно силы» [53, с. 114]. В конечном итоге Хайек пришел к выводу, что для сохранения и дальнейшего развития культурных форм благотворна децентрализация, тогда как Жувенель считал, что нужно прилагать больше совместных усилий для смягчения порождаемого рынком культурного дисбаланса.

Другие члены общества остро ощущали дисгармонию между капитализмом и религией и опасались, что рынок ведет к все более атеистическому миру. В частности, Вильгельм Рёпке был самым резким в обществе критиком «безбожного капитализма». На собрании в 1950 г. он представил очень мрачный прогноз по поводу атеистической современности. Его крайне тревожили перспективы свободной рыночной экономики в отсутствие религиозных устоев: «Ниспровержение религии означает полную «политикализацию» существования», писал Рёпке, а она ведет ко «всеобъемлющей релятивизации», к «воцарению Произвольного», к возникновению социальной среды, «где допустима любая мораль» [53, с. 115]. Опасения Рёпке по поводу культурных дефектов капитализма не исчерпывались воздействием капитализма на религию и мораль. Рёпке обратил внимание на коллапс местных экономик и, в частности, на упадок традиционных методов ведения сельского хозяйства. Эти явления, полагал

он, свидетельствовали о дегуманизирующем влиянии безудержной конкуренции на межличностные отношения. На собрании 1947 г. он превозносил «социальную жизнь семейных фермы», отмечая, что она обходилась «экономическими единицами меньшего размера, чем те, которые в иных условиях соответствовали бы нормальным стандартам бизнеса» [53, с. 115]. Выступавшие с такими заявлениями члены общества надеялись, что на его собраниях можно будет наметить меры регулирования и реформы, способные сохранить сферы рыночного обмена, не подчиняя их дестабилизирующему влиянию на весь спектр жизненной практики человека. Подобно Хайеку, они стремились согласовать рынок и социальные традиции, но в отличие от Хайека считали, что этого можно добиться только скоординированными усилиями по защите культурных форм, которые рынок в противном случае разрушит.

Если члены общества столкнулись с трудностями при согласовании капитализма и социальных традиций, то не меньше сложностей доставила им другая задача, подразумевавшаяся философским проектом Хайека: необходимость прояснить сложную взаимозависимость между капитализмом и демократией. Многие из них считали, что главные атрибуты представительного правления, в том числе демократия и свобода слова, развивались параллельно с возникновением рыночной экономики и в значительной мере благодаря ей. Одним из главных достоинств, которое они видели в рынке, была его способность ослаблять ограничения в других сферах жизни; по этому, с их точки зрения, «политические свободы» и «экономические свободы» были тесно и неразрывно переплетены. Вместе с тем они признавали, что в последние годы демократически избранные законодательные власти поддерживали все более жесткое вмешательство в экономическую деятельность граждан. Вследствие принятых в 1930-е годы социальных законов защита свободного рынка, как оказывалось, подразумевала ограничение народного суверенитета, и члены общества во многих случаях были готовы считать такое ограничение необходимым или

даже главным компонентом его социального идеала. Поэтому о капитализме и демократии говорили то, как о нераздельной диаде, то, как о двух альтернативах.

Людвиг фон Мизес, вероятно, самый бескомпромиссный сторонник рынка в Обществе Мон-Пелерен, заявил, что «экономическая свобода и политическая свобода неразрывно переплетены. Там, где нет экономической свободы, не может быть и речи о политической свободе, о религиозной и интеллектуальной терпимости» [53, с. 118]. Вильгельм Рёпке, смотревший на регулирование рынка гораздо благосклоннее, также отметил «очень тесную связь» между «экономическим либерализмом и общим либерализмом». Тезис о предполагаемой связи между свободным рынком и демократической политикой доминировал на заседаниях общества в первое десятилетие его существования и служил исходной посылкой многих выступлений его членов. Журналист Уильям Чемберлен выразил общее мнение своих коллег, когда заявил на заседании в 1957 г., что «существует неразрывная историческая связь между свободой мысли и свободой торговли, между тиранией и незащищенностью частной собственности» [53, с. 119].

Тесная связь между рынком и демократической политикой, по мнению членов общества, была характерна для значительного отрезка новой истории. Однако, когда они обращались к современным политическим реалиям, эта связь становилась достаточно проблемной. Найт не замедлил указать, что отношение между капитализмом и демократией хоть и тесное, но по сути своей амбивалентное. Политическая демократия выступает, как атрибут рыночного механизма и вместе с тем таит в себе постоянную угрозу этому механизму. Ничем не сдерживаемый рынок ведет к неустойчивому неравному распределению власти, но для неограниченной демократии это характерно в еще большей мере. Любое государство, стремящееся сохранить свои демократические устои, должно, по мысли Найта, четко определить количество и характер вопросов, подлежащих всенародному голосованию.

Скептицизм Найта и его студентов в отношении народного суверенитета разделяли многие из тех самых членов Общества Мон-Пелерен, которые подчеркивали тесную связь между рынком и политическими свободами. Рыночная экономика, заключил он, «не может быть сохранена без определенных защитных мер и правовых принципов, которые гарантируют безопасность и защиту индивидуальному человеку» [53, с. 119], и эти меры не должны зависеть от народного волеизъявления. В одной из первых послевоенных лекций Хайек тоже подверг резкой критике демократическое «недоразумение», гласящее что «мы должны принимать мнение большинства как истинное и обязывающее суждение по поводу будущего хода дел». Главная задача общества, указывал он, - отделить проблемы, которые могут, быть предметом суждений большинства, от тех, которые ими быть не могут. В частности, экономический обмен это такой предмет, по которому на демократическое волеизъявление полагаться нельзя, поскольку в вопросах торговли «мнение большинства всегда будет реакционным, косным» [145, с. 120].

§ 3.2. Классический либерализм во второй половине XX века

Вторая половина двадцатого столетия стала временем, когда идеи классического либерализма вновь обрели популярность. Труды мыслителей «австрийской школы» и их коллег по либеральному лагерю начали привлекать должное внимание, и не только в кругах таких же, как они интеллектуалов и ученых, но и среди широкого круга читателей. Либеральные идеи в интерпретации Хайека, Мизеса, Фридмана и Рёпке стали основой для программ политических движений и партий в Европе и Соединенных Штатах. Идеология либерализма, наработки в области экономической науки и политической философии, а также опыт, приобретённый за годы противостояния с «либерализмом социального страхования» и социализмом легли на благодатную почву в США и

Германии. Дело в том, что, не смотря на кажущуюся разность в положении этих стран в послевоенные годы, в идеологическом плане они были похожи. В Америке в 30-40 – е годы доминировала демократическая партия, ведомая Рузвельтом, проводившим политику государственного регулирования, разительно отличающуюся от американской традиции предпринимательства и индивидуализма. В Германии в то время был нацистский режим, не оставлявший простора для индивидуализма и либерализма. При этом обе страны были ослаблены войной, конечно, в разной мере, но и то напряжение, которому подверглись жители США, сказывалось на идеологическом климате. Неудивительно, что книга Ф. Хайека «Дорога к рабству» [39] была встречена с таким энтузиазмом, поскольку описанные в ней идеи были непосредственно знакомы американцам. Таким образом, США и ФРГ стали площадками для возрождения принципов классического либерализма, пересмотренного в 30-50 – е годы представителями Австрийской школы. И измененного под влиянием исторической эпохи и национальных особенностей стран, и, следовательно, приобретенного особенного, на первый взгляд непохожего, характера. В США эти идеи вылились в зарождение движения «Новых правых» или консерваторов, и последующий триумф принципов консерватизма в Республиканской партии. И отчасти, в движение либертарианства, которое, хоть и не стало доминирующей силой в американской политике, но приобрело свое заслуженное место на политической сцене и в идеологическом спектре американцев. В ФРГ эти идеи стали основой для движения «ордолибералов», сторонников социально-рыночного хозяйства, что в свою очередь стало основой не только для повестки Христианско-демократический союза, но и для программы послевоенного переустройства Германии.

Одним из источников подъема неолиберализма была политическая философия, практически примененная в Германии после Второй мировой войны. В основе экономической политики двух христианско-демократических канцлеров, Конрада Аденауэра и Аюдвига Эрхарда (при

Аденауэре он был министром финансов), лежали идеи группы мыслителей, которую собирательно называют Фрайбургской школой. Эта группа называла свою платформу, сложившуюся в межвоенный период, «неолиберальной» [88, с. 122].

При Аденауэре и Эрхарде разоренная войной Германия приступила к эксперименту со свободным рынком; в нем видели альтернативу правому и левому тоталитаризму, который разрушил Германию, а потом разделил Европу [88, с. 123]. Политика «социальной рыночной экономики», создавшая немецкое «экономическое чудо» в 1950-х годах, содержала многие элементы программы, которую наметил М. Фридмен в статье 1951 г. «Неолиберализм и его перспективы» [56]. И это было неслучайно, если принять во внимание контакты чикагцев с немцами в Обществе Мон-Пелерен после 1947 года. Но при всей своей готовности делом доказать полезность и эффективность свободного рынка немецкие неолибералы придавали большое значение социальной справедливости и желали ее обеспечить. В этом последнем плане их идеи были близки к идеям Генри Саймонса, которые тот продвигал в Чикагском университете в 1930-х годах.

Своим происхождением «социальная-рыночная экономика» обязана таким немецким экономистам и правоведам межвоенного периода, как Вильгельм Рёпке, Вальтер Ойкен, Франц Бём и Альфред Мюллер-Армак. Как отметил в то время Карл Фридрих, «главный лозунг – это «социальная рыночная экономика» экономика безусловно «свободная» [88, с. 123] по сравнению с директивной и плановой экономикой, но подлежащая контролю, желательно законодательному, призванному предотвратить концентрацию экономической власти в руках картелей, трестов или гигантов предприятий». Немецкий неолиберализм, известный также как ордолиберализм (по журналу «Ordo», основанному в 1948 г. Вальтером Ойкеном и Францем Бёмом), отличался от классического либерализма. Как и Саймонс, ордолибералы отводили государству центральную роль в создании условий для честной экономической конкуренции. Государство, считали немецкие ордолибералы,

теснейшим образом сплетено с экономической жизнью. Еще раз стоит обратиться к К. Фридриху: «Неолибералы рассматривают экономическую науку как «встроенную» в политику и убеждены, что экономическая и политическая системы взаимосвязаны». В замечательном исследовании, посвященном этой взаимосвязи, Франц Бём, один из ведущих мыслителей неолиберального направления, приходит к выводу, что «рынок – это экономическая форма политической демократии» [88, с. 124]. Главное отличие состояло в том, что, с точки зрения немцев, экономические выгоды конкуренции, поддерживаемой государством, должны иметь контрбаланс в виде социальной политики. Тем самым подразумевалось создание мощного социального государства, что позволило социал-демократам включить предложения неолибералов в Годесбергскую партийную программу, принятую в 1959 г.

Хайек писал для журнала «Ordo», состоял в его редколлегии и порой казался членом Фрайбургской школы [88, с. 124]. Вместе с тем он оценивал роль государства в экономике гораздо критичнее, чем немецкие неолибералы. Кроме того каналом связи служило Общество Мон-Пелерен, в котором на 1951 г. состояли такие теоретики социальной рыночной экономики, как Рёпке, Ойкен, Эрхард, Мюллер-Аршак, Бём Г. Илау, Фридрих Майер и А. Рюстов [59, с. 204].

Авторы бюллетеня, имевшего подзаголовки «Отчет об исследовании достижений Аюдвига Эрхарда», характеризуют немецкий неолиберализм как доктрину «Ойкена, Рёпке и Эрхарда». Также отмечают значительную роль, отведенную государству в плане надзора за рынком, и новаторскую политику Эрхарда на посту министра финансов: «Таким образом, «новизна» неолиберализма состоит преимущественно в новой оценке положительной роли государства, как создателя законодательной, правовой и денежной системы, необходимой для жизнеспособной рыночной экономики». Отожествляемая с Эрхардом политика – упразднение регулирования цен, стабилизация валюты и победа над инфляцией, антитрестовские законы и

«война против особых интересов» [88, с. 125] – в равной мере может считаться политикой Хайека и Фридмена. В отчете особо отмечен положительный взгляд на роль государства: «Неолибералы испытывают огромный пиетет перед рынком как единственным механизмом, с помощью которого развитое индустриальное общество может решить свои экономические проблемы и при этом сохранить свою свободу. Но они понимают, что границы «Человеческого сообщества» выходят далеко за пределы рынка и что рынок всего лишь средство для достижения цели. И если они преследуют собственные цели, то делают это ради человеческой свободы» [88, с. 125-126]. К «социальному вопросу» ордолибералы подходили в консервативном духе, почти как Бисмарк, который в 1870 -х годах ввел пенсии. Как показал Ральф Птак, их позиция «гораздо ближе к консервативной, чем к классической либеральной». Во всяком случае, цель формулировалась в классической консервативной манере: «стабильное и защищенное положение рабочего класса – необходимое условие нормальной работы рыночной экономики», и эта программа «принципиально отличалась от призывов левых к эгалитарному перераспределению» [88, с. 125].

Людвиг Эрхард, стоявший в основании этого движения и проводивший рыночные реформы в экономике писал в своей работе «Благосостояние для всех» [49]: «Наиболее эффективное средство для достижения и обеспечения благосостояния – конкуренция. Она одна дает возможность всем людям пользоваться хозяйственным прогрессом, в особенности, в их роли потребителей. Она же уничтожает все привилегии, не являющиеся непосредственным результатом повышенной производительности труда. Через конкуренцию может быть достигнута – в лучшем смысле этого слова – социализация прогресса и прибыли» [49, с. 7]. Таким образом, в экономическом плане, Эрхард был приверженцем рыночной – конкурентной экономики, и отводил предпринимательству непосредственную роль в росте благосостояния общества: «Понятия «Благосостояние для всех» и «Благосостояние через конкуренцию» – связаны неразрывно. Одно является

целью, другое – путем, ведущим к этой цели». Американский экономист, работающий в «австрийской традиции» Израиль Кирцнер в своей работе «Конкуренция и предпринимательство» [49, с. 8] развивая идеи Мизеса о рыночном процессе, приходит к сходному с Эрхардом выводу, и заключает, что в основании рыночного процесса стоит именно динамический процесс конкуренции. При этом Л. Эрхард отказывается от принципов классического либерализма: «Уже эти наброски показывают основоположное отличие социального рыночного хозяйства от классического либерального хозяйства. Предприниматели, пытающиеся ссылками на тенденции современного хозяйственного развития оправдать картели, пребывают в своих рассуждениях на том же интеллектуальном уровне, что и те социал-демократы, которые обосновывают автоматизацией необходимость государственного планового хозяйства» [49, с. 9]. При таком явном отказе от признания либеральных принципов, разделение остается весьма формальным, Л. Эрхард не отказывается в своей работе ни от одного из принципов классического либерализма, или от тех наработок, что создали Ф. Хайек и Л. Мизес в 30-40 – е годы. Напротив, в своей политической практике он с уверенностью отстаивает принципы свободной экономики перед мнением оккупационных властей и политической оппозицией. «Мой скептицизм в отношении всех споров о «справедливом» распределении национальной продукции исходит из убеждения, что любые требования о повышении заработной платы <...> сводятся к стремлению добиться для себя выгоды за счет других» [49, с. 10] – пишет Эрхард о политике социального перераспределения и добавляет, что: «В основные хозяйственные права входит свобода каждого гражданина устраивать свою жизнь так, как это отвечает – в рамках его финансовых возможностей – его личным желаниям и представлениям. Это основное демократическое право свободы потребления находит свое логическое дополнение в свободе предпринимателя производить и продавать те продукты, которые отвечают спросу <...> Свобода потребления и свобода хозяйственной деятельности должны в

сознании каждого гражданина восприниматься как неприкосновенные основные права» [49, с. 10]. Таким образом, Л. Эрхард приходит к тем же выводам, что в свое время сделал Ф. Хайек в «Дороге к рабству» [39] о связи рыночной демократии с политической демократией, и с идеями Л. Мизеса изложенными в работах «Либерализм в классической традиции» [15] и «Социализм» [16] о невозможности справедливого распределения за исключением рыночного процесса. Из чего можно заключить, что идеи Эрхарда и других сторонников социально-рыночного хозяйства, хотя и имели отличия в проводимой политике и идеологии, были схожи в видении целей своей политики и отличались скорее в методах достижения этих целей. Они противопоставляли себя не всему либеральному наследию и идеям Австрийской школы, а отдельным идеям, связанным еще с либерализмом XIX века. Переосмысление теоретических принципов рыночной экономики было не столь существенным и можно отметить, что по основным пунктам проводимая политика и идеологическая база сочеталась с программными пунктами Общества Мон-Перелни: защита частной собственности, важность конкуренции для общества, вера в невозможность эффективного перераспределения доходов, важность экономической свободы для политической демократии и верховенства права.

Следующий формой выражения принципов классического либерализма и идей Австрийской школы стал американский консерватизм. До XX в. в политической жизни США не существовало консервативного движения, подобно слову «либерализм», консерватизм использовался как прилагательное, а не как емкое слово описывающие политическую идеологию. Как отмечает Пол Готфрид в своей работе, посвящённой развитию американского консерватизма «Консерватизм в Америке» [58] (2007), в США не было консерватизма в европейском смысле. Такой же позиции придерживается и либертарианский автор Мюррей Ротбард в работе «Предательство Американских правых» [81], он отмечает, что «старых правых» - Old Right нельзя считать консервативным движением, напротив

они были приверженцами классического либерализма. Они выступали против традиционного консерватизма как врага свободы. Ротбард ссылается на «философию, которая по-прежнему отличалась искренней консервативностью, независимо от ярлыка, с древних времен восточного деспотизма: всеохватывающее почтение к «Трону и алтарю». «Old Right было классическим либеральным движением, а не консервативным» [81, с. 12] заключает автор. Аргументация П. Готфрида дополняет работу Ротбарда. Готфрид, хотя и симпатизирующий европейскому консерватизму, утверждает, что консерватизм этого типа не мог существовать и не существовал в Соединенных Штатах. Он считает, что консерватизму, для процветания требуется социальная база. При отсутствии иерархической классовой структуры общества, нет оснований для существования жизнеспособного консерватизма, и такой структуры в Америке не было. Готфрид ссылается на Карла Мангейма, согласно которому: «консервативный образ мышления возник как реакция на буржуазный рационализм, поскольку европейские аристократы и их теоретические апологеты отреагировали на либеральных и революционно-демократических реформаторов и их политические разработки. В противоположность этим реформаторам консервативные критики на континенте поддержали аристократическое сословие» [58, с. 40]. Поскольку соответствующих классов для европейского консерватизма в США не было, единственной американской традицией был классический либерализм. П. Готфрид обращается к работе Луи Харца «Либеральная традиция в Америке» [43], по словам Харца: «Соединённые Штаты с самого начала выделялись двумя критически важными факторами, которые определили его более поздний курс развития политического общества, а именно: «отсутствие феодализма и наличие либеральных идей»» [58, с. 41]. Готфрид отмечает, что попытки Расселла Кирка в «Консервативном мышлении» [61] вывести свой список консервативных принципов окончился неудачей, они отличались аморфностью и изменялись со временем.

Несмотря на отсутствие предпосылок для создания консервативного движения в 50-е годы, оно начало стремительно развиваться, появились тематические журналы, интеллектуалы все чаще обращались к этому термину, за ними последовали и политики республиканцы. С П. Готфридом нельзя не согласиться, это не было движением консерваторов европейского типа, напротив – это было новым воплощением принципов классического либерализма. За неимением другой традиции, кроме либеральной, американские правые «консервировали» именно либеральное наследие. Но это не было просто воспроизведением принципов XIX в., это было конструирование новой идеологии на основе старых идей, с учетом опыта и специфики политической ситуации. Нельзя не отметить, что в формировании облика американского консерватизма принимали участие и ученые – «австрийцы» Ф. Хайек и Л. Мизес, а так же тесно сотрудничавший с ними Милтон Фридман.

В 1955 году начал выходить еженедельный консервативный журнал «National Review» [81, с. 180], его основателем был молодой Уильям Ф. Бакли-младший. Четырьмя годами ранее Бакли приобрел известность благодаря публикации книги «Бог и человек в Йеле» [52], выпускником которого он являлся, там он написал, что Йель пытается сделать из студентов «атеистических социалистов». «Сам я убежден, что поединок между христианством и атеизмом самый важный в мире», - писал он в предисловии к первому изданию. «А еще я думаю, что борьба между индивидуализмом и коллективизмом есть тот же самый поединок, воспроизведенный на другом уровне» [52, с. 60-61]. Бакли увязал в одной работе бескомпромиссный антиэтатизм, военствующий антикоммунизм и безусловное уважение к традиционным институтам и праведному образу жизни. При этом Бакли не претендовал ни на какую научность, и не обременял себя задачей описать свое мировоззрение.

Бакли принял на работу редакторов и авторов из либертарианского журнала «Freeman» издаваемого при участии Людвиг фон Мизеса, в

частности: Сюзанн Лафолетт и Уильяма Генри Чэмберлейна [45, с. 708], а так же таких редакторов как: Рессел Кирк, Фрэнк Мейер, Мэк Истмен и других. С помощью «National Review» Бакли хотел подвергнуть американскую политическую действительность такому же критическому анализу, что уже применял к Йельскому университету. Бакли писал, что он решил связать свою судьбу с «радикальным консерватизмом» и стоять «наперекор истории, крича стоп» [52, с. 5]. При этом Бакли считал, что защищает специфические представления о Западе, как сообществе свободных индивидов, поэтому журнал должен последовательно защищать свободный рынок от посягательств со стороны социалистов и прогрессистов. Макджордж Банди опубликовал рецензию на работу Бакли, в которой написал, что «Бакли, выступает за *laissez faire* гораздо решительнее, чем те ученые, на которых он ссылается» [53, с. 139]. Сам Бакли, подобно многим представителям общества Мон-Пелерин, считал, что защита свободного рынка будет жизнеспособна лишь в том случае, если станет частью целостного мировоззрения. Рёпке оценил приверженность Бакли и журнала свободному рынку и социальному традиционализму, как провозглашение того пересмотренного либерализма к которому изначально стремились основатели Общества Мон-Пелерен. Рёпке писал, что «National Review» является единственной группой в Америке отражающей его взгляды [52, с. 141].

Людвиг фон Мизес написал несколько программных статей для «National Review» в первые годы его существования, хотя и подчеркивал разницу между консерватизмом и либерализмом. Он отмечал, что консерватизм не имел в Америке политических корней, а в Европе означал нечто противоположенное [45, с. 709]. Фридрих фон Хайек в 1955 году отказался от предложения включить его в редколлегию журнала, поскольку, как и Мизес, считал, что его мировоззрение имеет очевидное отличие от консерватизма Бакли [52, с. 141].

Самым видным автором регулярно писавшим для «National Review» был Рассел Кирк приобрел широкую известность после публикации «Консервативного мышления» [61] в 1953 году. Книга произвела большое впечатление не только на американскую аудиторию, но имела и широкий отклик зарубежом. Так Рёпке написал, что выход «Консервативного мышления» ознаменовал возрождение той социальной философии, что он сам проповедовал. Рёпке назвал Кирка крупнейшим представителем американского движения к «либеральному консерватизму» – консерватизму, который искал вдохновения не в реакционной европейской традиции, а в таких либеральных мыслителях, как Токвиль и Актон. Хайек тоже благожелательно оценил работу, но отметил, что Кирк приписал консерваторам то «что на самом деле является главным достижением классического либерализма» [45, с. 144].

Еще одним консервативным коллумнистом «National Review», был Фрэнк Мейер. Мейер в 30 – е годы был коммунистом, и агитировал за свою партию в Лондонской школе экономики и Чикагском университете. Однако в 40 – е гг. Мейер стал сомневаться в своей идеологической принадлежности. Чтение «Дороги к рабству», – вспоминал Мейер, – «сыграло решающую роль в моем освобождении от марксистской идеологии» [63, с. 7-8]. С образованием «National Review» он стал одним из редакторов журнала и оставался им до своей смерти в 1972 г. Но самую большую известность принес Мейеру интеллектуальный проект, который его современники называли «фузионизмом». Мейер хотел убедить коллег по консервативному интеллектуальному миру, что сохранение экономических свобод и защита традиционных моральных ценностей неразрывно связаны.

Незадолго до основания «National Review» Мейер объяснил свои расхождения с Расселом Кирком на страницах журнала «Freeman». Новый консерватизм, который пропагандировали Кирк, выступал против концентрации власти, не объясняя, «по каким критериям сверхконцентрацию следует определять» [45, с. 149]. Мейер считал, что при отсутствии четких

ориентиров новые консерваторы стали слишком скептически относиться к индивидуализму и слишком примирительно к Новому курсу. Свою критическую позицию он обстоятельно изложил в главной работе «В защиту свободы» (1962) [63]. Абсолютизация статус-кво заставила новых консерваторов отказаться «от признания роли разума», лишив их способности применять принципы разума к оценке текущей практики. Мейер понимал и отвергал новый консерватизм как социальную доктрину, согласно которой индивидуальная постановка вопросов всегда должна подчиняться нормативной логике группы. Вместе с тем он ясно сознавал, что критика в адрес Кирка не отчуждает его от растущей группы экономистов, которые превозносили свободный рынок как панацею от всех проблем американского общества. Среди всех дисциплин, которые изучают человеческое общество, он определил экономическую теорию как «наиболее близкую к точной науке» и «наиболее далекую от философской компетенции, от способности устанавливать ценности» [63, с. 35]. Мейер хотел предоставить отдельному человеку широчайшую возможность выбора действий и убеждений, но утверждал, что такая система возможна лишь при социальном порядке, который основательно приучает своих граждан к «авторитету истины», воплощенному в западной мысли. Он хотел сформировать такие условия социального порядка, которые сохраняют для каждого возможность выбора между «добродетелью» и «пороком» и вместе с тем социализируют индивидов на том пути, который он считал добродетельным [63, с. 64]. Проект Мейера имел явное сходство с «программным заявлением» принятым в 1947 г. Обществом Мон-Пелерен. Основатели общества, стремились сформулировать мировоззрение, которое защищало свободный рынок и при этом утверждало моральные устои.

Еще одной формой соприкосновения и влияния либеральных принципов на зарождающийся американский консерватизм была деятельность Милтона Фридмана. Фридман, хоть и не относился к Австрийской школе, но стоял у основания Общества Мон-Пелерен и тесно

сотрудничал с Ф. Хайеком. Его расхождения с «австрийцами» касались скорее методологии экономической науки [36], чем социальной философии и политического видения будущего. Фридман, в отличие от других интеллектуалов, не считал, что роль ученого сводится к пассивному наблюдению, напротив он пользовался привилегированным положением известного профессора для пропаганды своих взглядов, а также активно участвовал в политической жизни. В 1960 г. Фридман установил контакт с сенатором-республиканцем Барри Голдуотером [45, с. 198]. Обращаясь к сенатору, он просил изменить его позиции по поводу дефицита торгового баланса. Голдуотер одобрил позиции изложенные Фридманом, и с 1961 г. они стали поддерживать регулярные контакты, периодически встречаясь. Когда Голдуотер выдвинул свою кандидатуру на президентские выборы, Фридман стал его экономическим консультантом и согласился разработать экономическую программу партии. Он возглавил совет экономических консультантов, состоящий из членов Общества Мон-Пелерен. Хотя итог кампании 64 года был неблагоприятным для Фридмана, он писал в своей биографии, что не сожалеет о своей роли, поскольку «поражение пророкфеллеровских республиканцев стало важнейшим этапом в постепенном смещении общественных симпатий от либерализма в его популярном понимании к консерватизму свободного рынка» [45, с. 200]. В 1967 г. Фридман познакомился с Рональдом Рейганом. Перед своей губернаторской кампанией Рейган прочитал «Капитализм и свободу» [35] Фридмана. Рейгана и Голдуотера Фридман считал идеологическими близнецами, а избрание Рейгана назвал «самой большой переменной в общественном мнении с послевоенных лет». Окружение Рейгана отмечало то влияние, которое Фридман производил на президента, позитивная риторика в защиту свободного рынка стала риторикой Республиканской партии [45, с. 202].

Еще одним выражением идей классического либерализма стало либертарианское движение, в отличие от консерватизма республиканской

партии и ордолиберализма Христианско-Демократического Союза, либертарианство не приобрело столь широкой поддержки. Либертарианская партия США, хотя и является третьей по популярности, не добивается существенных успехов на выборах [50]. Эта идеология, не представленная в предвыборных программах крупных партий, тем не менее, имеет поддержку среди американских избирателей [57], а либертарных теоретиков вдохновляют политики – республиканцы из «чайной партии» [33, с. 185-195]. Либертарианское движение в большей мере, чем прочие, связано с Австрийской экономической школой, его основателем, можно назвать Мюррея Ротбарда, экономиста и ученика Л. Мизеса. Развитие либертарианского движения можно проследить до традиции индивидуалистического анархизма XIX в., и движения «Старых правых» 30 – 40 – х гг., но наибольшее выражение и популярность оно приобрело в конце 40-х годов с приездом Мизеса в Нью-Йорк. Основание этого движения лежит в противостоянии «новому курсу», но именно в конце 40-х г. образовалась критическая масса интеллектуалов-либертарианцев. Этому способствовали и публикации Хайеком «Дороги к рабству» [39] и Мизесом работ «Бюрократия» [13] и «Всемогущие правительство» [14], и политическая атмосфера США, требующая альтернативы доминирующей политике демократов. Как бы там ни было, именно вначале 50-х гг. вокруг Мизеса в Нью-Йорском университете образуется движение либертарианцев. В отличие от всех прочих собраний и движений, где Мизес был наиболее рьяным защитником рынка, чем его ученики, тут ему приходилось защищать более этактистскую позицию [45, с. 617]. В частности для американского либертарианства было важно формировать свое отношение к политике через неинициацию насилия, что было чуждо утилитаристскому подходу Мизеса. Такие либертарианцы, как Леонард Рид и Р.С. Хойлз даже критиковали Мизеса за излишнюю компромисность: «Идя на уступку, вы отрицаете, что наше правительство ограничено в своих правах. Мне кажется, что государственное вмешательство – то же самое, что несанкционированное

применение силы. Единственное назначение государства в том, чтобы вместе не давать людям вмешиваться в функционирование свободного рынка и остановить применение силы людьми, которые пытаются заставить кого-то платить за то, за что он платить не хочет» [45, с. 618].

Наибольшую поддержку идеи либертарианства получили в так называемом «Кружке Бастиа», который составляли молодые радикалы – сторонники свободного рынка – Р. Райко, М. Ротбард, Д. Рисмен, Р. Хессен [45, с. 664]. Наиболее ярким сторонником идей либертарианства являлся именно Мюррей Ротбард. М. Ротбард получил степень доктора экономических наук в 1956 г. в Колумбийском университете. Когда М. Ротбард углубил свои знания по экономике, он столкнулся с дилеммой, почему бы не применить аргументы о свободной конкуренции на рынке товаров и услуг на все сферы. И если стоит это сделать, то предоставление безопасности, также, подобно другим услугам должно предоставляться на конкурентном рынке. Уже в первую крупную работу «Человек, экономика и государство» [79] (1962) М. Ротбард планировал включить заключительную часть, посвященную классификации и критике государственного вмешательства в экономику. Но так как работа выполнялась по заказу «Фонда Уильяма Волкера» [45, с. 669-673], то этот раздел пришлось убрать. Вырезанная часть вышла отдельной работой в 1972 г. под названием «Власть и Рынок».

Работа «Власть и Рынок» [23] представляет собой один из самых интересных образцов анархо-капиталистической литературы раннего периода. Для анализа, было бы весьма логично условно разделить работу на три части. Первая часть соответствует первой главе книги, вторая включает в себя большую часть книги (вторая – пятая главы), и третья, включающая в себя шестую и седьмую главу. Поскольку вторая часть и основная часть работы посвящена сугубо экономическим вопросам, интерес для политологического анализа представляют именно первая и третья часть работы. Хотя, перед тем, как перейти к рассмотрению обозначенных частей,

стоит отметить, что в основной части, кроме экономических вопросов поднят также и вопрос демократии. М. Ротбард еще более критично относится к демократическому процессу, чем другие представители Австрийской школы. Также как они, он рассматривает демократию, как механизм осуществления выборов правителя, и не отмечает внутреннего идеологического содержания демократии, т.е. не выделяет демократию, как идеологию. М. Ротбард отмечает, что демократическое большинство, также как и единоличный диктатор может выбрать принципы свободной экономики. Но сама по себе демократия, как механизм, не способствует свободе, но при этом демократия не может существовать и при социалистическом режиме. При этом демократия по М. Ротбарду внутренне противоречива, и как любой промежуточный режим, является неустойчивой. Критике М. Ротбарда подвергается и идеологическое обоснование демократии. Ни одна из традиционных теорий обосновывавших демократическое правление, по мнению М. Ротбарда, не лишена логического противоречия. В начале работы Ротбард дает свое определение свободы, которое похоже на то, что давали представители Австрийской школы прошлого поколения. Свобода – это отсутствие агрессивного вмешательства в деятельность человека. Но дальше М. Ротбард расходится во взглядах со своим учителем Мизесом, который считал, что говорить о свободе можно только в рамках государства. У М. Ротбарда напротив, свобода возможна только в отсутствии государственной агрессии.

Важное место в развитии либертарианской философии имеет работа «К новой свободе: Либертарианский манифест» (1982) [24]. М.Ротбард в этой работе предлагает раз и навсегда отойти от выборов из двух основных политических партий и идеологий, которые они занимают, и их центрального плана – использования государственной власти в отношении людей. Либертарианство – радикальная альтернатива М. Ротбарда говорит, что государственная власть неработоспособна и аморальна, и должна быть ограничена, и наконец, отменена.

Подобно М. Фридману Ротбард тоже активно участвовал не только в интеллектуальном развитии идеологии, но и непосредственно в политической борьбе. Но при этом Ротбард и его последователи не находили контакта с представителями политической элиты, так ученик Ротбарда Л. Рокуэлл был начальником штаба Рона Пола на выборах в конгресс с 1978 по 1982 гг., был консультантом Пола в 1988 г. в избирательной кампании Либертарианской партии на пост президента Соединенных Штатов. Также он был вице-председателем исследовательского комитета Р. Пола по выдвижению на пост президента Республиканской партии в 1992 г. Л. Рокуэлл уделяет много внимания в своих статьях распространению принципов консервативного либертарианства. В частности именно в лице Рона Пола он видит такого рода политика, который может осуществить такие принципы. Л. Рокуэлл проводит параллели между Полем и движением старых правых, отмечая его приверженность принципам изоляционизма, приверженность малому правительству, федерализму [74].

Стоит отметить, что вышеперечисленные политические течения не получили распространения в России. Это произошло по ряду причин, в первую очередь, потому что во время возрождения идей классического либерализма и наибольшего влияния представителей Австрийской школы, Советский Союз находился в идеологической и информационной изоляции. Члены Общества Мон-Пелерен уже в 50-е гг. видели угрозу в СССР и социалистической идеологии. После окончания Второй мировой войны Ф. Хайек и другие либеральные мыслители больше не видели необходимости в поддержке союзника по военным действиям. И направили все свои интеллектуальные усилия на критику противника по Холодной войне. В Советском Союзе идеологические установки накладывали табу на классический либерализм и идейные установки «австрийцев», субъективизм, индивидуализм и главенство частной собственности. Таким образом, можно отметить, что идеи Австрийской школы не могли проникнуть в Россию в силу исторических причин и идеологических установок советского

руководства. К тому времени, когда начались интеллектуальные взаимодействия между Россией и «свободным миром», крупные идеологические течения классического либерализма уже устоялись, а пик активности «австрийцев» уже прошел. В 90-е гг. также не произошло существенного распространения идей «австрийцев», наследие политической и экономической системы, существовавшей в СССР на протяжении 70 лет, нельзя было отбросить в течение годов, и даже десятилетий. Как отмечает Ганс С. Сеннхольц, эта система оставила свой след не только на экономических и политических сферах общества, но и отпечаталась на психике и нравах людей. «Нация, которая на протяжении веков терпела диктат всемогущих царей и комиссаров, не может ожидать, что за несколько лет найдет свой путь к демократии», - пишет Г. Сеннхольц в статье «Российский марш от коммунизма» [86]. Для создания идеологии рыночного порядка необходимы традиции частной собственности, которой были лишены жители России на протяжении поколений.

Несмотря на то, что Россия не имела должной условий для развития либерального движения, часть экономистов «австрийцев» направила свои усилия на разработку программы реформ для постсоциалистической России. Так в 1990 г. М. Ротбард представил доклад «Людвиг фон Мизес и крах социализма» на ежегодной конференции общественных наук в Вашингтоне, а через год [77], в 1991 году выпустил статью «Конец социализма: обсуждения и дебаты» в сборнике *Review of Austrian Scholl* [82]. В этих работах Ротбард обращал внимание на то, что единственным экономистом предсказавшим крах социализма был Л. Мизес, который еще в работе «Социализм» отмечал невозможность экономического расчета при социалистической системе. Так же М. Ротбард пишет, что реформаторы не смогут запланировать рынок, они могут только дать людям свободу. В намеченном плане реформ автор выделял такие шаги к рынку, как: легализация «черных» рынков, приватизация или отмена государственной собственности, уменьшение государственных расходов и бюрократии, сокращение налогов.

Но не только иностранные авторы работали над этой темой. Юрий Мальцев, экономист, работающий в «австрийской» традиции в 1990 г. опубликовал статью «Однодневный план для Советского союза» [51]. Мальцев родился в 1950 г. в Казани, в 1971 г. окончил МГУ, а в 1980 получил докторскую степень по экономике труда в Институте трудовых исследований в Москве. После получения докторской степени он занимал различные преподавательские должности, пока не присоединился к команде советских экономистов работавших над пакетом экономических реформ во время перестройки. На этой должности он проработал до 89-го года, когда перебрался в США [82]. Как отмечает сам Мальцев, его взгляды на экономику и политику были сформированы под влиянием нелегальной «самиздатовской» литературы, в частности работы Фридриха Хайека «Дорога к рабству». «Однодневный план для Советского союза» перекликался с работой Ротбарда, и включал в себя пять пунктов: массовую приватизацию, сокращение государственных расходов, отказ от государственного контроля над ценами, реформу денежной системы и реформу права. Еще одним идеологом возрождения классического либерализма был Геннадий Викторович Лебедев (1957 – 2004) [32]. В 1990 г. Лебедев был избран председателем Совета народных депутатов города Троицка. На своем посту он, впервые в стране, ввел налоговую регистрацию в городе предприятий со всего СССР.

В 90-е годы происходили первые попытки воссоздать идеологию классического либерализма в России, но тогда эти попытки были разрознены и не имели под собой интеллектуальной опоры. Уже в XXI в. этот процесс начал приобретать системный характер, в Москве и Санкт-Петербурге были созданы интеллектуальные центры и общественно-политические организации, ставящие своей целью распространение идей классического либерализма, либертарианства и популяризации Австрийской школы. Так в 2005 г., в Москве начали проходить «памятные чтения Г.В. Лебедева» [48], в рамках которого обсуждаются вопросы экономики, философии, политики и

права. В 2010 году Либертарианской партией России были организованы ежегодные «Чтения Адама Смита» [47]. А в 2011 г. в Санкт-Петербурге был открыт «Институт экономики и права им. Фридриха Августа фон Хайека» [21], в рамках которого организуются конференция «Капитализм и свобода» [26].

Из вышеперечисленного можно заключить, что на данный момент происходит процесс становления идей Австрийской школы в России. Идеи классического либерализма находятся на том же этапе развития, что проходил в остальном мире в 30-е годы, когда разрозненные сторонники свободного рынка только создавали площадки для сотрудничества. Интеллектуалы, сторонники Австрийской школы и классического либерализма, работают над программой реформ для России, и разрабатывают собственные концепции либертарной философии. Так стоит отметить работы В. А. Четвернина по либертарной теории права, развивающие идеи близкие к минархизму Австрийской школы.

Таким образом, идеологическое влияние Австрийской школы простирается гораздо дальше границ экономической науки. И получило выражение в трех крупных политико-идеологических течениях. Во-первых, в виде ордолиберализма или социально рыночного хозяйства, доминирующего в политике ФРГ. Во-вторых, в виде американского консерватизма, имеющего политическое представительство, через республиканскую партию США. И в третьих, через либертарианскую идеологию. Все эти течения отражают тот или иной аспект поиска новой политической идентичности, связанный с крахом традиционного либерализма XIX в. Ордолиберализм – представляет собой, компромиссную политику, отраженную в программных документах Коллоквиума Липпмана и первых собраниях Общества Мон-Пелерен, а так же в работе Хайека «Дорога к рабству». Эта политика выражается в попытках примирения классического либерализма с современной действительностью, через переработку принципов либерализма под нужды современности. Сохраняя общий посыл либерализма, как философии

направленной на повышение благосостояние людей, его адаптируют под нужды социальной политики современности. При сохранении цели либерализма, сохраняется и его внутренне наполнение, ценности конкуренции, предпринимательства, рыночной эффективности занимают свое заслуженное место. При этом они дополняются, такими идеями, как социальная ответственность, сильная роль государства, как гаранта конкуренции. В целом это идеологическое течение было наиболее приближенный к политической действительности, и наиболее умеренной версией либерализма, который разрабатывался Обществом Мон-Пелерен во время своего собрания 1947 года. Акцент, в этом политическом течении делался на влияние идей классического либерализма на рост благосостояния и на возможность применения тех же механизмов: частной собственности, свободной торговли и конкуренции для быстрого восстановления страны и роста доходов граждан.

Американский консерватизм – представляет собой адаптированную к американской действительности повестку Общества Мон-Пелерен, и особенно работ М. Фридмана. Главный аспект, позаимствованный у представителей Австрийской школы, противостояние всем формам социализма и прогрессивизма. В целом, это движение можно назвать наиболее аморфным из всех. Поскольку авторы «National Review» строили свою идеологическую идентичность через противопоставления себя либеральной, прогрессивистской и социалистической тенденции в развитии общества, они формулировали только базовые послышки своей идеологии, на основании которых можно было бы объединиться. Вместо формулирования сложных принципов и формулирования общей системы политической философии, они значительно упрощали идеи Австрийской школы, и адаптировали идеологию классического либерализма для активной политической борьбы. Таким образом, эта идеология представляется наиболее динамичной из всех, она, как вбирала в себя необходимый элемент экономической повестки и социальной философии Рёпке, так и создавала

свои собственные элементы философии, а также постоянно перерабатывала и пересматривала свои принципы.

При этом базовые послышки в значительной мере пересекаются с той программой, которую приняли на первом собрании Общества Мон-Пелерен. Акцент данной идеологии был сфокусирован на традиционном недоверии либерализма прошлого к правительству и государственному планированию. Американский консерватизм также перенял либеральный универсализм, свойственный идеям Мизеса и Хайека, при этом, универсализм в понимании консерваторов отличался от универсализма Мизеса. В отличие от рамочного понимания универсализма, как пространства общих экономических законов и универсальных человеческих прав, консерваторы видели строгое понимание универсализма, как некоего исторического наследия и моральных норм, которые присущи всем представителям «западной цивилизации». Несмотря на семантическое расхождение в вопросе применения определения «консерваторы» и «либералы», американский консерватизм имел гораздо больше общего, как с классическим либерализмом свободного рынка, так и с либерализмом Общества Мон-Пелерен и «австрийцев». Так центральными для обоих течений были вопросы индивидуализма, ограничения роли правительства, федерализма, неприятия социального планирования. Большая роль уделялась и политике свободного рынка. При этом консерватизм не акцентировался на вопросах роста благосостояния, рост благосостояния – был побочным продуктом эффективности и моральности свободных рынков. И, конечно, стоит отметить основное расхождение для позиций «австрийцев» и консерваторов. Если первые видели развитие и распространение либерализма в будущем, если и сохраняли на этот счет пессимизм, то вторые видели его, через сохранение существующих социальных порядков и отказ от некоторых из них.

Либертарианство – представляет собой пересмотр наиболее радикальных элементов классического либерализма и социальной философии Австрийской школы. Либертарианские теоретики не искали,

подобно членам Общества Мон-Пелерен, компромисса с современной политической действительностью, они напротив создавали наиболее строгую и бескомпромиссную версию либерализма. Акцент делался на вопрос инициации насилия, и его морально-правовые последствия. При том, что либертарианское движение является наиболее последовательной версией «австрийской философии», у его основателя М. Ротбарда были существенные расхождения со своим учителем, приверженцем классического либерализма Мизесом. Акцентируясь на доктрине самопринадлежности, Ротбард выводит все законы человеческих взаимодействий, в том числе и взаимодействий с правительством. На смену утилитаризму приходит моральный универсализм – принцип не нападения.

В России же, данные идеологические течения не получили существенного распространения, а идеи Австрийской школы находятся на начальном этапе развития. Создаются площадки для обсуждения и распространения идей, делаются программные разработки для идеологии классического либерализма в условиях современной России. Следовательно, можно заключить, что в Российской Федерации идеи либерализма и «австрийцев» проходят тот же этап развития, что проходили в остальном мире в 30-е гг. XX века.

Таким образом, можно сделать вывод, что при непосредственном идейном влиянии ученых - «австрийцев» сформировалось три довольно различных политических течения, каждое из которых впитало в себя ту или иную часть наследия классического либерализма, научного и философского вклада «австрийцев». Конечно, кроме того, каждое из этих течений имело и свои особенности формирования, как то историческое и культурное наследие, а так же особенности политической культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Либерализм, в классическом его понимании, представляет собой политическую идеологию и говоря шире, социальную философию, основанную на идеях индивидуализма, персональной свободы, верховенства права и ограничениях государственной власти. Для классического либерализма была характерна приверженность свободной торговле, политике *Laissez Faire* в экономике, что выражалось в политической максиме – «государства – ночного сторожа». Главной целью либерализма прошлого, как выразился Л. Мизес, являлось, не что иное, как повышение благосостояния людей, эта цель не относилась к внутренним желаниям и стремлениям людей. Тем самым, в политическом выражении, классический либерализм стремился к такой организации общества, которая бы не мешала выражению и достижению целей людей, а только ограждала бы их от насильственных действий со стороны других людей, тем самым поддерживая общественный порядок. Мизес выделял три основных элемента либерального общества – это мир, свобода и собственность. Эти, наиболее общие элементы, были основой либеральной идеологии XIX века. В экономическом отношении идеология строилась на главенстве частной собственности и рыночном обмене, в политическом – на приоритете индивидуальных прав, политических свобод и верховенства права, а во внешней политике – на стремлении к миру и свободной торговле со всеми странами.

Несмотря на указанные общие принципы, исследование показало, что либерализм не всегда имел одинаковую повестку. Так континентальный Европейский либерализм отличался большим антиклерикализмом, тогда как Английский либерализм содержал в себе религиозный элемент. Наиболее полно либеральные взгляды были выражены в политике Великобритании XIX века, через либеральную партию Виггов. Либеральные взгляды также имели распространение в США XIX в., но при этом не было политического

движения, которое использовало бы «либерализм» для самоидентификации. Кроме того, либеральные взгляды были распространены и в континентальной Европе.

Несмотря на закрепление либеральной идеологии за одной из ведущих партий Великобритании, она не осталась в неизменном виде. И вскоре начала меняться, под воздействием, как прагматических целей, обусловленных особенностью политических и исторических процессов в Великобритании того времени, так и под влиянием внутренних идеологических процессов. Три основных аспекта, на которых строился английский либерализм и вместе с тем и мировая либеральная повестка, экономический, радикальный и религиозный вскоре начали пересматриваться. Бентамовский радикализм привел к мнению, что правительство вправе принимать законы, направленные против ложного эгоизма и действовать для достижения истинной свободы человека. Учение английских экономистов привело к мнению, что в обществе существует непримиримый конфликт интересов, разрешение которого требует активных действий со стороны государства. А религиозный аспект либерализма привел к росту гуманистического движения, которое в конечном итоге требовало активных действий правительства для решения социальных проблем и уничтожения общественных пороков. Особую роль в этом процессе пересмотра принципов принял Дж. С. Милль. Политический философ, который считается одним из столпов либеральной мысли, в значительной мере изменил классические принципы. В его работах идеи либерализма XIX приобретают черты современного либерализма, или как выражался Г. Спенсер «либерализма социального-страхования». Милль изменил представление о гармонии интересов при либеральном устройстве, и фактически поддержал классовую теорию конфликта. Изменил представление о свободе, если в классическом либерализме она трактовалась, как независимость от физического принуждения или угрозы применения силы со стороны государства, то теперь угрозу свободе несло в себе общество, любой моральный авторитет и

религия. Вопрос применения насилия больше не считался ключевым, моральное влияние фактически приравнивалось к насилию. И на место конкретному и кодифицируемому понятию насилия приходило более широкое понятие принуждения. Таким образом, Миллем было изменено представление о фундаменте либерализма. Дж. М. Кейнс фактически закрепил результаты идеологической трансформации произошедшей со второй половины XIX в., он провозгласил смерть *Laissez Faire* и классического либерализма. Вместе с тем происходили и политические трансформации. В Великобритании под руководством либералов проводились широкомасштабные социальные реформы, а в США слово «либерализм» стало символом политики Нового курса и демократической партии.

Таким образом, можно сделать вывод, что либерализм первой половины XX в. разительно отличался от либерализма XIX в., радикальные изменения в трактовании фундаментальных для этой идеологии принципов привели к таким же радикальным изменениям в проводимой политике. Имеет смысл еще раз выделить эти отличия:

- Понимание свободы, негативное понимание свободы сменилось позитивным;
- Понимание роли государства в жизни общества;
- Понимание общества, на смену атомистическому пониманию общества пришло понимание общества, как единого социального организма;
- Понимание роли морального авторитета и роли религии, классический английский либерализм, в целом, благоприятно относился к роли религии в обществе, новый либерализм считал эту роль угнетающей;
- Понимание роли государства в экономике, на смену политике *Laissez Faire* пришла политика активного участия государства.

Австрийская экономическая школа, как показано в данной работе, не сколько географическое определение, и не только название для одной из школ экономической мысли, это более широкое явление охватывающие такие области знаний, как экономическая наука, политическая философия, политология и история. А в конечном итоге и реально проводимую политику. При этом стоит отметить, что «австрийская» в название школы относится только к происхождению, наибольшее развитие и популярность школа получила в США и Великобритании. Как отмечено в исследовании, «школа» менялась со временем, в момент своего основания в 1880-е гг., она представляла собой, привычную тогда, «либеральную школу экономической мысли». А на первых этапах Австрийская школа вообще не имела своей идеологической идентичности. И только в 20-е годы XX в. «школа» приобрела явно выраженную либеральную направленность, это связано с выходом на первый план Л. Мизеса. С этого времени начинаются попытки возвращения к классическому либерализму, через работы Мизеса «Либерализм» и «Социализм», где давалось теоретическое осмысление происходивших процессов, и через исследовательскую и преподавательскую деятельность Ф. Хайека в Лондонской Школе Экономики. А также через многочисленные контакты с разрозненными сторонниками свободного рынка по всему миру. В конечном итоге, эта деятельность привела к собранию сторонников классического либерализма на Коллоквиум Липпмана в 1938 г. и создание Общества Мон-Пелерен в 1947 г. Уже на этих собраниях происходят попытки переосмысления классического либерализма, поиска путей его модернизации и адаптации для ситуации того времени. Поиск альтернатив либерализму был связан с тем, что доминирующим мнением собравшихся было то, что возродить либерализм XIX в. представляется невозможным. Как отмечено в работе, на собраниях Общества Мон-Пелерен происходили поиски новой терминологии для обозначения идей либерализма свободного рынка. Но главное там происходило установление контактов между сторонниками классического либерализма и привлечение новых

сторонников этой идеологии. Особую роль в привлечении новых сторонников сыграла работа Ф. Хайека «Дорога к рабству», которая приобрела небывалую популярность.

В целом, стоит отметить, что Общество Мон-Пелерен было не едино в своем видении будущего либеральной политики, выделялись такие группы, как: первое – зарождающееся движение «неолибералов», стремившееся к компромиссу с социализмом; второе – умеренная группа, во главе с Хайеком, акцентирующая на сохранении личной и политической свободы; третья – не принадлежала к либеральному лагерю, и критиковала классический либерализм за присущий ему эгалитаризм; четвертая – во главе с Мизесом, наиболее непримиримая и приверженная принципам классического либерализма. Но в целом «общество» приняло программу, составленную Мизесом, состоящую из трех пунктов: 1) невозможность расчета при социализме, 2) конкурентное ценообразование, 3) разделение труда в условиях частной собственности.

Как показано в данном исследовании, идеи Австрийской школы и Общества Мон-Пелерен нашли отражение минимум в трех крупных политических течениях: в немецком ордолиберализме, или социальной рыночной экономике, американском консерватизме и либертарианстве.

Ордолиберализм отражал стремление «общества» пересмотреть либеральные принципы применительно к новой эпохе, очистить его от примесей социального дарвинизма и детерминизма прошлого. Движение ордолибералов отказалось от значительной части либеральной риторики, но при этом, сохраняло верность принципам и целям либерализма XIX в. Идеи Л. Эрхарда наиболее полно пересекаются с идеями, изложенными Мизесом в «Либерализме», а цель социально рыночного хозяйства – повышение благосостояния не путем перераспределения, а путем роста конкурентной рыночной экономики, буквально цитирует данное Мизесом определение либерализма.

Американский консерватизм, развивался двумя путями, как через идейные наработки, так и через политические практики. На первое повлияли, как работы Хайека, Мизеса, Рида и других членов Общества Мон-Пелерен, так и собственные наработки. Стоит отметить, что на первоначальном этапе, несмотря на все разногласия и семантическую путаницу, связанную с использованием термина «либерализм» в американской политической практике, консервативные авторы тесно общались с «австрийцами». Одни авторы писали для либертарианского «Freeman» и консервативного «National Review», консерваторы участвовали в собраниях Общества Мон-Пелерен. На политические практики повлиял М. Фридман, будучи советником Б. Голдуотера, а позже он поддерживал контакты с Р. Рейганом. Данная идеология отражала желание морального возрождения и создания подлинных универсальных ценностей, характерных для В. Рёпке и раннего Общества Мон-Пелерен. А влияние Фридмана, Хайека и Мизеса заметно в экономической повестке консерватизма. От «австрийцев» же было перенято и недоверие к социальному планированию.

Либертарианство, наиболее близкое Австрийской экономической школе, в наибольшей мере отражало принципы классического либерализма и экономическую повестку созданную Л. Мизесом. В целом эта идеология отражала взгляды наиболее бескомпромиссных членов Общества Мон-Пелерен, и даже превосходила их.

Таким образом, в работе отражено влияние Австрийской школы на развитие либерализма XX в., отражены предпосылки для перемен в либеральной идеологии и проанализирована роль «школы» в них. Можно заключить, что либерализм в прошлом веке прошел четыре этапа в своем развитии. Первый этап относится к началу XX в. и соотносится с окончательным закреплением принципов «либерализма социального-обеспечения» за этим ярлыком. На этом этапе Австрийская школа практически не принимала активного участия в этих переменах. Второй этап 30-е гг. XX в., на этом этапе разрозненные группы сторонников

классического либерализма начали искать пути для защиты своей идеологии в условиях господства, идей социализма и прогрессизма. Л. Мизес и Ф. Хайек были активными участниками этого процесса, участвовали в интеллектуальной и организационной работе. Третий этап, конец Второй Мировой Войны и первые послевоенные годы, на этом этапе было создано Общество Мон-Пелерен, произошло осмысление перемен в общественных настроениях и были предприняты первые попытки для дальнейшего распространения идеологии. Четвертый, начался в 50-е гг. XX в., на этом этапе идеи «австрийцев» и Общества Мон-Пелерен стали воплощаться в жизнь. К 1980-м годам идеи, предложенные Австрийской школой стали приобретать широкую популярность, либерализм свободного рынка, в разных его проявлениях стал полноправной идеологией для политических движений по всему миру, и стал на равных конкурировать идеям «либерализма социального обесцвечения». Стоит отдельно отметить, что похожие процессы развития идей Австрийской школы происходят и в современной России. В силу исторических обстоятельств, в СССР не происходило похожих идеологических процессов, что были в «свободном мире», на обсуждение идей либерализма и любой альтернативы марксизму был наложен запрет, соответственно поиск нового либерализма начался гораздо позже остального мира, только в 90-е годы.

Таким образом, на основе проделанной работы, можно сделать вывод о влиянии Австрийской школы на развитие либерализма в XX в. «Австрийцы» начиная с 20-30 – х годов стали активными участниками трансформации либеральной идеологии, и к 50 – м гг. их идеи стали воплощаться в жизнь. Идеология рыночного либерализма стала определяющей идеологией второй половины прошлого столетия, и является одним из основных идеологических течений до сих пор.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бастиа, Ф. Экономические гармонии: избранное пер. с фр. В. С. Автономов / Ф. Бастиа. – Антология экономической мысли. – М.: Эксмо, 2007. – 1197 с.
2. Бём-Баверк, О. Капитал и процент / О. Бём-Баверк / Пер. В. Кошкин – Челябинск: Социум, 2010. – 928 с.
3. Бём-Баверк, О. Критика теории Маркса / О. Бём-Баверк / Сост. А.В. Куряев. – М., Челябинск: Социум, 2002. – 283 с.
4. Джон Стюарт Милль [Электронный ресурс] EconomyLit.online
Режим доступа: http://economylit.online/obschie-raboty_719/djon-styuart-mill.html
5. Жувенель, Б. де Власть: Естественная история ее возрастания / Б. де Жувенель /пер. с франц. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. – М.: ИРИСЭН, Мысль, 2011. – 546 с.
6. Кейнс, Дж. М. «Конец laissez – faire»/ Дж. М. Кейнс / пер. с англ. Е. В. Виноградова. – М.: ГУ-ВШЭ, 2001. – 437 с.
7. Кубедду, Раймондо Либерализм, тоталитаризм и демократия. Политическая философия австрийской школы / Раймондо Кубедду /Пер. с англ. – Челябинск: Социум, 2010. – 406 с.
8. Кукатас, Ч. Либеральный архипелаг: Теория разнообразия и свободы / Ч. Кукатас / пер. с англ. Н. Эдельмана под науч. Ред. А.В. Куряева. – М.: Мысль, 2011. – 482 с.
9. Лаваль, К. Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма / К. Лаваль. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 432с.
10. Либерализм Запада XVII-XX века / отв. ред. В.В.Согрин. – М.: ИВИ РАН, 1995. – 228 с.
11. Мальтус, Т. Р. Опыт о законе народонаселения /Т. Р. Мальтус/ пер. с англ. П. А. Бибикова. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. – 462 с.

12. Менгер, Карл. Избранные работы/ Карл Менгер. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 496 с.

13. Мизес, Людвиг фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность / Людвиг фон Мизес. – М.: Дело, 1993. – 238 с.

14. Мизес, Людвиг фон. Всемогущее правительство. Тотальное государство и тотальная война / Людвиг фон Мизес / Пер. с англ. Изд. А.В. Куряева. – Челябинск: Социум, 2013. – 480 с.

15. Мизес, Людвиг фон. Либерализм /Людвиг фон Мизес /Пер. с англ. Изд. А.В. Куряева. – Челябинск: Социум, 2014. – 294 с.

16. Мизес, Людвиг фон. Социализм. Экономический и социологический анализ / Людвиг фон Мизес. – М.: «Catallaxy», 1994. – 416с.

17. Мизес, Людвиг фон. Мизес, Людвиг фон. Теория денег и кредита /Людвиг фон Мизес /Пер. с англ. Гр. Сапов. – Челябинск. Социум, 2012. – 816 с.

18. Мизес, Людвиг фон. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции /Людвиг фон Мизес/ Пер. с англ. под ред. проф. А.Г. Грязновой. – М.. ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 295 с.

19. Мизес, Людвиг фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории /Людвиг фон Мизес/Пер. с англ. Изд. А.В. Куряева. – Челябинск: Социум, 2005. – 878 с.

20. Найт, Ф. Этика конкуренции / Ф. Найт / пер. с англ. под ред. Г.Б. Клейнера. – М.: ЭКОМ Паблишерз, 2009. – 262 с.

21. Открытие института им. Фридриха фон Хайека [Электронный ресурс] Сайт Эхо Москвы. Режим доступа: <https://echo.msk.ru/blog/shalnev/788087-echo/> (дата обращения: 30.03.2018).

22. Пеннингтон, М. Классический либерализм и будущее социально-экономической политики / М. Пеннингтон / пер. с. Англ. Ю. Кузнецова. – М: Мысль, 2014. – 452 с.

23. Ротбард, Мюррей. Власть и рынок. Государство и экономика /Мюррей Ротбард/Пер. с англ. Б. С. Пинскер. – Челябинск: Социум, 2010. – 420 с.
24. Ротбард, Мюррей. К новой свободе: Либертарианский манифест /Мюррей Ротбард/Пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2009. – 398 с.
25. Ротунда, Р. Либерализм как слово и символ: борьба за либеральный бренд в США / Р. Ротунда / пер. с англ. А. В. Матешук, В.П. Гайдамака. – М.; Челябинск: Социум, 2016. – 212 с.
26. Седьмая конференция «Капитализм и свобода» [Электронный ресурс] <http://usanovpv.ru/> Режим доступа: <http://usanovpv.ru/2018/06/23-iyunya-sedmaya-konferentsiya-kapitalizm-i-svoboda/> (дата обращения: 30.03.2018).
27. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов /А.Смит /Пер. с англ. П. Ключкин. – М.: Эксмо, 2017. – 1056 с.
28. Современный либерализм /пер. с англ. Л.Б. Макеевой. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. – 248 с.
29. Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России / Под ред. Р.М. Нуреева. – М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007 – 327 с.
30. Социальный либерализм /под ред. А. Я. Рубинштейна, Н.М. Плискевич. – СПб.: Алетейя, 2016. – 630 с.
31. Спенсер, Г. Личность и государство /Г. Спенсер/ пер. с англ. – Челябинск: Социум, 2006. – 205 с.
32. Страница Геннадия Лебедева [Электронный ресурс] Бюро Григория Сапова. Режим доступа: http://www.sapov.ru/g_v_lebedev/ (дата обращения: 30.03.2018).
33. Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ: № 1. – М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2016. – 276 с.

34. Уэрта де Сото, Х. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество /Хесус Уэрта де Сото/ пер. с англ. Б. С. Пинскера под ред. А. В. Куряева. – Челябинск: Социум, 2009. – 202 с.
35. Фридман, М. Капитализм и свобода /М. Фридман / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2006. – 240 с.
36. Фридмен, М. Методология позитивной экономической науки /М. Фридман / Milton Friedman. The Methodology of Positive Economics. In: M.Friedman.Essays in Positive Economics. Chicago: University of Chicago Press, 1953, p.3–43. University of Chicago Press, 1953. Перевод М.А. Шерстнева
37. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма/ пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ, 2004. – 418 с.
38. Хайек, Ф. Капитализм и историки / Хайек Ф./ Пер. с англ. – Челябинск: Социум, 2012. – 398 с.
39. Хайек, Фридрих фон Дорога к рабству /Фридрих фон Хайек/ Пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2005. – 264 с.
40. Хайек, Фридрих фон. Контрреволюция науки /Фридрих фон Хайек. – М.: Фонд «Либеральная миссия», ОГИ (Объединенное Гуманитарное Издательство), 2003. – 288 с.
41. Хайек, Фридрих фон. Судьбы либерализма в XX веке/Фридрих фон Хайек/ пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Т. Даниловой и А. Куряева. – М., Челябинск: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2009. – 337 с.
42. Харви, Д. Краткая история неолиберализма /Д. Харви. – М.: Поколение, 2007. – 288 с.
43. Харц, Л. Либеральная традиция в Америке /Л. Харц/ пер. с англ. – М.: «Прогресс» - «Прогресс- Академия», 1993. – 400 с.
44. Хоппе, Ганс-Герман. О конечном обосновании этики частной собственности [Электронный ресурс] strana-oz Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2004/6/o-konechnom-obosnovanii-etiki-chastnoy-sobstvennosti> (Дата обращения: 30.03.2018).

45. Хюльсманн, Йорг Гвидо. Последний рыцарь либерализма. Жизнь и идеи Людвиг фон Мизеса /Йорг Гвидо Хюльсманн/ Пер. с англ. А. В. Куряева. – Челябинск: Социум, 2013. – 882 с.
46. Четвернин, В. А. Введение в курс общей теории права и государства / В. А. Четвернин. – М.: Иститут государства и права РАН, 2003. – 204 с.
47. Чтения Адама Смита [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://smithforum.ru/> (дата обращения: 30.03.2018).
48. Чтения памяти Г.В.Лебедева [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://g-l-memorial.ice.ru/> (дата обращения: 30.03.2018).
49. Эрхард, Л. Благосостояние для всех /Л. Эрхард/ М.: Дело, 2001. – 352 с.
50. 2016 General Election [Электронный ресурс] Fox News. Режим доступа: <http://www.foxnews.com/politics/elections/2016/presidential-election-headquarters> (дата обращения: 30.03.2018).
51. A One Day Plan for the Soviet Union [Электронный ресурс] reformed.org Режим доступа: http://www.reformed.org/webfiles/antithesis/index.html?mainframe=/webfiles/antithesis/v2n1/ant_v2n1_curr4.html (дата обращения: 30.03.2018).
52. Buckley William F. Jr. God and Man at Yale. Chicago.:Henry Regnery., 1951. – 300 p.
53. Burgin A. The Great Persuasion: Reinventing Free Market since the Depression [text] /Cambridge, Mass.: Harvard University Press., 2015. – 320 p.
54. Ebeling Richard M. Ludwig von Mises and the Real Meaning of Liberalism [Электронный ресурс] Mises Institute. Режим доступа: <https://mises.org/wire/ludwig-von-mises-and-real-meaning-liberalism> (дата обращения: 30.03.2018).
55. Faculty and Staff [Электронный ресурс] Ludwig von Mises Institute. Режим доступа: <https://mises.org/faculty-staff> (дата обращения: 30.03.2018).

56. Friedman M. Neoliberalism and Its Prospects [Электронный ресурс] Collected Works of Milton Friedman. Режим доступа: <https://miltonfriedman.hoover.org/objects/57816/neoliberalism-and-its-prospects?ctx=b8c0f32e-f5a4-4e53-ba3d-cf017b993579&idx=0> (дата обращения: 30.03.2018).
57. Gallup Finds More Libertarians in the Electorate [Электронный ресурс] Cato Institute. Режим доступа: <https://www.cato.org/blog/gallup-finds-more-libertarians-electorate> (дата обращения: 30.03.2018).
58. Gottfried Paul. Conservatism in America: Making Sense of the American Right. NY.: Palgrave Macmillan. 2007. – 208 p.
59. Hartwell Max. A History of the Mont Pelerin Society. Indianapolis.: Liberty Fund Inc., 1995. – 271 p.
60. Hayek F. A. The Trend of Economic Thinking. Indianapolis.: Liberty Fund Inc., 2009. – 400 p.
61. Kirk Russell. The Conservative Mind: From Burke to Eliot. Washington, D.C.: Gateway Editions, 2001. – 534 p.
62. Lippmann W. The Good Society [text]/ Nabu Press., 2011. – 428 p.
63. Meyer Frank. In Defense of Freedom and Related Essays. Indianapolis, Liberty Fund, 1996. – 261 p.
64. Mises Ludwig Von. Economic Freedom and Interventionism. Liberty Fund, Inc., 2006. – 312 p.
65. Murray Rothbard Versus the Koch Libertarians [Электронный ресурс] Austro-Libertarian. Режим доступа: <http://austrolibertarian.com/murray-rothbard-versus-the-koch-libertarians/> (дата обращения: 30.03.2018).
66. Neill Thomas P. The Rise and Decline of Liberalism / Milwaukee: Bruce Publishing Company, 1953. – 321 p.
67. Raico Ralph. The Rise, Fall, and Renaissance of Classical Liberalism [Электронный ресурс] Mises Institute Режим доступа: <https://mises.org/library/rise-fall-and-renaissance-classical-liberalism> (Дата обращения: 30.03.2018).

68. Raico Ralph. John Stuart Mill and the New Liberalism [Электронный ресурс] Mises Institute. Режим доступа: <https://mises.org/library/john-stuart-mill-and-new-liberalism> (дата обращения: 30.03.2018).

69. Raico Ralph. What Is Classical Liberalism? [Электронный ресурс] Mises Institute. Режим доступа: <https://mises.org/library/what-classical-liberalism> (дата обращения: 30.03.2018).

70. Raico Ralph. Classical Liberalism and the Austrian School [text]/ Auburn AL: Ludwig von Mises Institute, 2010. – 376 p.

71. Richard M. Ebeling Neo-Liberalism: From Laissez-Faire to the Interventionist State [Электронный ресурс] Mises Institute. Режим доступа: <https://mises.org/wire/neo-liberalism-laissez-faire-interventionist-state> (дата обращения: 30.03.2018).

72. Robbins Lionel. The Great Depression [text]/Freeport, NY., 1934. – 254p.

73. Rockwell Llewellyn H. Jr. Libertarianism and the Old Right [Электронный ресурс] Mises Institute. Режим доступа: <https://mises.org/library/libertarianism-and-old-right> (дата обращения: 30.03.2018).

74. Rockwell Llewellyn H. Jr. Emulate Ron Paul [Электронный ресурс] archive.lewrockwell. Режим доступа: <https://www.lewrockwell.com/2013/04/lew-rockwell/emulate-ron-paul/> (дата обращения: 30.03.2018).

75. Rothbard, Murray N. Austrian Perspective on the History of Economic Thought / Second Edition Auburn, AL: Ludwig von Mises Institute, 2006. – 1084p.

76. Rothbard Murray N. Confessions of a Right-Wing Liberal [Электронный ресурс] Mises Institute Режим доступа: <https://mises.org/library/confessions-right-wing-liberal> (Дата обращения: 30.03.2018).

77. Rothbard Murray N. How and How Not to Desocialize [Электронный ресурс] Mises Institute. Режим доступа:

<https://mises.org/library/how-and-how-not-desocialize> (дата обращения: 30.03.2018).

78. Rothbard Murray N. Life in the Old Right [Электронный ресурс] archive.lewrockwell. Режим доступа: <http://archive.lewrockwell.com/rothbard/rothbard45.html> (дата обращения: 30.03.2018).

79. Rothbard Murray N. Man, Economy, and State, with Power and Market [text]/ Auburn AL: Ludwig von Mises Institute, 1993. – 987 p.

80. Rothbard Murray N. Ronald Reagan: An Autopsy [Электронный ресурс] archive.lewrockwell. Режим доступа: <http://archive.lewrockwell.com/rothbard/rothbard60.html> (дата обращения: 30.03.2018).

81. Rothbard Murray N. The Betrayal of the American Right / Auburn AL: Ludwig von Mises Institute, 2007. – 231 p.

82. Rothbard, Murray N. The End of Socialism and the Calculation Debate Revisited [Электронный ресурс] Mises Institute. Режим доступа: <https://mises.org/library/end-socialism-and-calculation-debate-revisited> (дата обращения: 30.03.2018).

83. Rothbard, Murray N. The November Memorandum [Электронный ресурс] archive.lewrockwell. Режим доступа: <http://archive.lewrockwell.com/rothbard/rothbard155.html> (Дата обращения: 30.03.2018).

84. Ruggiero Guido de. The History of European Liberalism [text]/ trans. R. G. Collingwood. Boston: Beacon Press, 1959. – 378 p.

85. Schulak Eugen-Maria. The Austrian School of Economics: A History of Its Ideas, Ambassadors, and Institutions – Auburn AL: Ludwig von Mises Institute, 2011. – 244 p.

86. Sennholz Hans F. Russia's March from Communism [Электронный ресурс] Mises Institute. Режим доступа: <https://mises.org/library/russias-march-communism> (дата обращения: 30.03.2018).

87. Spadaro Louis M. Liberalism: Reclaiming the Term [Электронный ресурс] Mises Institute. Режим доступа: <https://mises.org/library/liberalism-reclaiming-term> (дата обращения: 30.03.2018).

88. Stedman Jones, Daniel. Masters of the Universe: Hayek, Friedman, and the Birth of Neoliberal Politics / Princeton, NJ.: Princeton University Press., 2014. – 440 p.

89. Still R., Walter Lippmann and the America Century / Boston.: Little, Brown, 1980. – 669 p.

90. Stromberg Joseph R. Raimondo on Rothbard and Rothbard on Everything [Электронный ресурс] archive.lewrockwell. Режим доступа: <https://www.lewrockwell.com/2000/08/joseph-r-stromberg/raimondo-on-rothbard-and-rothbard-on-everything/> (дата обращения: 30.03.2018).

91. Woods Thomas E. Jr. Conservatism Turned Upside Down [Электронный ресурс] Mises Institute. Режим доступа: <https://mises.org/library/conservatism-turned-upside-down> (дата обращения: 30.03.2018).

92. Yuri Maltsev [Электронный ресурс] Carthage College Режим доступа: <https://www.carthage.edu/live/profiles/116-yuri-maltsev> (дата обращения: 30.03.2018).

93. Zmirak John. Wilhelm Röpke: Architect of Liberty [Электронный ресурс] Mises Institute. Режим доступа: <https://mises.org/library/wilhelm-r%C3%B6pke-architect-liberty> (дата обращения: 30.03.2018).